

**ИВАН
АНДРЕЕВИЧ
КРЫЛОВ**

ЛУЧШИЕ БАСНИ ДЛЯ
ДЕТЕЙ

Иван Крылов

Лучшие басни для детей

«Public Domain»

2014

Крылов И. А.

Лучшие басни для детей / И. А. Крылов — «Public Domain»,
2014

В книгу включены избранные басни классика русской литературы
Ивана Андреевича Крылова (1769–1844), вошедшие в круг чтения
детей. Составление, вступительная статья, комментарии В.П. Аникина. Для
детей среднего школьного возраста.

Содержание

Русский гений	8
Ворона и Лисица	10
Дуб и Трость	11
Музыканты	12
Ворона и Курица	13
Ларчик	14
Лягушка и Вол	15
Волк и Ягнёнок	16
Обезьяны	17
Синица	18
Осёл	19
Мартышка и очки	20
Безбожники	21
Орёл и куры	22
Бочка	23
Волк на псарне	24
Ручей	25
Лисица и Сурок	26
Прохожие и Собаки	27
Стрекоза и Муравей	28
Лжец	29
Орёл и Пчела	31
Заяц на ловле	32
Щука и Кот	33
Волк и Кукушка	34
Петух и Жемчужное Зерно	35
Крестьянин и работник	36
Обоз	37
Воронёнок	38
Слон на воеводстве	39
Осёл и Соловей	40
Откупщик и сапожник	41
Хозяин и мыши	43
Слон и Моська	44
Волк и Волчонок	45
Обезьяна	46
Мешок	47
Кот и Повар	48
Лев и Комар	49
Огородник и Философ	50
Крестьянин и Лисица	52
Воспитание Льва	54
Дерево	56
Гуси	57
Свинья	58
Муха и дорожные	59

Орёл и Паук	60
Лань и Дервиш	61
Собака	62
Квартет	63
Листы и корни	64
Волк и Лисица	65
Бумажный змей	66
Лебедь, Щука и Рак	67
Скворец	68
Пруд и Река	69
Тришкин кафтан	71
Механик	72
Пожар и Алмаз	73
Пустынник и Медведь	74
Цветы	76
Крестьянин и Змея	77
Крестьянин и Разбойник	78
Любопытный	79
Лев на ловле	80
Конь и Всадник	81
Мирская сходка	82
Демьянова уха	83
Мышь и Крыса	84
Чиж и Голубь	85
Конь	86
Медведь у пчёл	87
Зеркало и обезьяна	88
Комар и Пастух	89
Крестьянин и смерть	90
Рыцарь	91
Тень и человек	92
Крестьянин и Топор	93
Лев и Волк	94
Ворона	95
Лиса-строитель	96
Волк и Кот	97
Волк и Пастухи	98
Кукушка и Горлинка	99
Гребень	100
Скупой и Курица	101
Две Бочки	102
Мальчик и Змея	103
Пловец и Море	104
Осёл и Мужик	105
Волк и Журавль	106
Пчела и Мухи	107
Муравей	108
Пастух и Море	110
Крестьянин и Змея	112

Лисица и виноград	113
Овцы и Собаки	114
Колос	115
Похороны	116
Трудолюбивый Медведь	117
Два мальчика	118
Пастух	119
Совет Мышей	120
Мельник	121
Булыжник и Алмаз	122
Мальчик и Червяк	123
Свинья под Дубом	125
Ягнёнок	126
Котёл и Горшок	128
Пёстрые овцы	129
Котёнок и Скворец	130
Две собаки	131
Кошка и соловей	132
Рыбья пляска	133
Прихожанин	134
Крестьянин и Лошадь	135
Белка	136
Кукушка и Орёл	137
Белка	138
Мыши	139
Лиса	140
Волки и Овцы	141
Лисица и Осёл	142
Лев и Мышь	143
Кукушка и Петух	144
Примечания и пояснения	145

Иван Андреевич Крылов

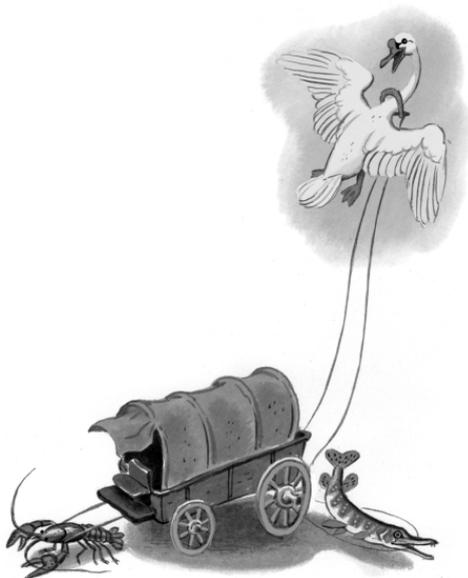
Лучшие басни для детей

Составление, предисловие, примечания и пояснения

В.П. Аникина

Художники

С. Бордюг и Н. Трепенюк

Русский гений

Свои первые басни двадцатилетний Иван Андреевич Крылов, еще мало кому известный писатель, опубликовал в 1788 году, без подписи, в петербургском журнале «Утренние часы». А первую книгу басен выпустил спустя годы – лишь в 1809 году. Не без успеха поработав в разных видах творчества, Крылов понял, что жанр басни больше всего удастся ему. Басня стала почти исключительным родом его творчества. И скоро к писателю пришла слава первоклассного автора.

Художественный дар Крылова-баснописца в полной мере раскрылся, когда он соединил свои обширные познания в области древних и новых европейских литератур с осознанием, что облюбленный им вид творчества по природе принадлежит к роду творчества, в котором выражена народная мораль. Эта мораль, к примеру, явлена в русских сказках о животных, в пословицах, в поучениях, – вообще, в крестьянском *баснословии*. На Руси затейливый рассказ издавна называли *басней*. «Басни-сказки» неотделимы от живого ведения рассказа-выдумки, сдобренного шуткой, поучением. Этого-то долго не понимали многие предшественники Кры-

лова, которые терпели неудачу, так как не осознали, что басня неотделима от разговорного языка.

Так, известный в XVIII столетии трудолюбивый филолог, член Петербургской академии – наук В.К. Тредьяковский (1703–1768) задолго до Крылова издал пересказ нескольких «эзоповских басенок». Среди них была и басня «Волк и журавль». Сюжет её тот же, что и у Крылова, но в изложении басни почти всё чуждо разговорной речи.

Подавился костью острою волк в некий день.
Так, что не был в силе ни завывать, да стал весь в пень.
Для того вот журавля нанял он ценою,
Чтоб из горла ту извлечь носа долгою.

Тредьяковский угадывал, что басенную историю надо излагать по-народному, и не случайно внес в свой перевод некоторые разговорные слова и выражения (хотя и не без искажения): «не был в силе ни завывать», «стал весь в пень», но перевод остался тяжелым, книжным.

Сравним с переводом Тредьяковского басню Крылова:

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, *евши*, никогда
Костей не разбирает.
За то на одного из них *пришла беда*:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк *ни охнуть, ни вздохнуть*;
Пришло хоть ноги протянуть!

Весь строй изложения легкий, изящный, понятный любому русскому человеку! Это наша живая речь. Крылов следовал интонации устного рассказа, в басенном рассказе нет и тени какой бы то ни было искусственности.

Известный ученый-филолог XX века Виктор Владимирович Виноградов специально изучал язык и стиль басен Крылова и отметил в них десятки народных пословиц. Ученый привел длинный перечень пословиц и поговорок, которые использовал баснописец, назвал их «семантическими скрепами», то есть связями, которые сообщают изложению басенной истории смысловое единство. Вот некоторые из них: «В семье не без урода» («Слон на воеводстве»), «Хоть видит око, да зуб неймет» («Лисица и виноград»), «Бедность не порок» («Откупщик и сапожник»), «Из огня да в полымя» («Госпожа и две служанки»), «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться» («Лев и мышь») и десятки других. Баснописец опирался на привычные в нашем языке обозначения и сравнения животных и птиц с людьми: ворона – вещунья, но падка на лесть, осел упрям, лисица хитрая, медведь сильный, но глупый, заяц труслив, змея опасна и др. И действуют как люди. Пословицы и поговорки, присловья и слова-иносказания, включенные в басни, получили у Крылова развитие и смысловые уточнения.

Первенство Крылова среди баснописцев сохраняется и ныне. И в наше время его басни пленяют читателей. Он поставлен в один ряд с величайшими художниками всех времен и народов. Никого не удивляет, что его равняют с древнегреческим Эзопом, с другими всемирно известными баснописцами. Но более всего его ценят в России как художника, который выразил здравый смысл и ум нашего народа.

В.П. Аникин

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце лстец всегда отыщет уголок.

—
Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, – Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит,
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И верно ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньяина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, —
И на приветливы лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Дуб и Трость

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошёл.
«Поистине, роптать ты в праве на природу»,
Сказал он: «воробей, и тот тебе тяжёл.
Чуть лёгкий ветерок подёрнет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнёшь слабеть
И так нагнёшься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваяся и вихрям, и грозам,
Стою и твёрд, и прям,
Как будто б ограждён ненарушимым миром.
Тебе всё бурей – мне всё кажется зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья». —
«Ты очень жалостлив»,
сказала Трость в ответ,
«Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасуюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что ещё доселе их свирепость
Твою не одолела крепость,
И от ударов их ты не склонял лица;
Но – подождём конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом, и с дождём шумящий аквилон.
Дуб держится, – к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

Музыканты

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало,
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня», сказал он с удивленьем:
«Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» —
«То правда», отвечал хозяин с умиленьем:
«Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

—
А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумей.

Ворона и Курица

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил:
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен Московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу?»
Ей с возу Курица кричит:
«Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». —
«Мне что до этого за дело?»
Вещунья ей в ответ: «Я здесь останусь смело.
Вот ваши сёстры, как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А, может быть, ещё удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчётах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несёшься:
А как на деле с ним сочтёшься —
Попался, как ворона в суп!

Ларчик

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

—
К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату Механики мудрец.
Взглянув на Ларчик,
он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В Механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдаётся:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.
Потел, потел; но, наконец, устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался:
А Ларчик просто открывался.

Лягушка и Вол

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?»
Подруге говорит. «Нет, кумушка, далёко!» —
«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего». —
«Ну, как теперь?» — «Всё то ж».
Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнившись с Воллом,
С натуги лопнула и – околела.

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.

Волк и Ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том, как в Баснях говорят.

—
Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести: что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне ещё и отроду нет году»,
Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите:
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Обезьяны

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувыркнётся,
То развернётся,
То весь в комок
Он так сберётся,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на всё не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдёт, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушёл и сети им оставил.
«Что ж», говорят они: «и время нам терять?
Пойдём-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат – веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда, пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерёг
И, видя, что пора, идёт к гостям с мешками,
Они, чтоб наутёк,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их побрали руками.

Синица

Синица на море пустилась;
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлепать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тароватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждёт;
Лишь изредка иной шепнёт:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом в-свояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

Осёл

Когда вселенную Юпитер населял
И заводил различных тварей племя,
То и Осёл тогда на свет попал.
Но с умыслу ль, или, имея дел беремя,
В такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошал:
А вылился Осёл почти как белка мал.
Осла никто почти не примечал,
Хоть в спеси никому Осёл не уступал.
Ослу хотелось бы повеличаться:
Но чем? имея рост такой,
И в свете стыдно показаться.
Пристал к Юпитеру Осёл спесивый мой
И росту стал просить большого.
«Помилуй», говорит: «как можно это снести?
Львам, барсам и слонам везде такая честь;
Притом, с великого и до меньшого,
Всё речь о них лишь да о них;
За что ж к Ослам ты столько лих,
Что им честей нет никаких,
И об Ослах никто ни слова?
А если б ростом я с телёнка только был,
То спеси бы со львов и с барсов я посбил,
И весь бы свет о мне заговорил».
Что день, то снова
Осёл мой то ж Зевесу пел;
И до того он надоел,
Что, наконец, моления ослова
Послушался Зевес:
И стал Осёл скотиной превеликой;
А сверх того ему такой дан голос дикой,
Что мой ушастый Геркулес
Пораспугал было весь лес.
«Что то за зверь? какого роду?
Чай, он зубаст? рогов, чай, нет числа?»
Ну только и речей пошло, что про Осла.
Но чем всё кончилось? Не минуло и году,
Как все узнали, кто Осёл:
Осёл мой глупостью в пословицу вошёл.
И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высокость хороша;
Но что в ней прибыли, когда низка душа?

Мартышка и очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! – говорит она: – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне нагали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

—
К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Безбожники

Был в древности народ, к стыду земных племён.
Который до того в сердцах ожесточился,
Что противу богов вооружился.
Мятежные толпы, за тысячью знамён,
Кто с луком, кто с пращей, шумя, несутся в поле.
Зачинщики, из удалых голов,
Чтобы поджечь в народе буйства боле,
Кричат, что суд небес и строг и бестолков;
Что боги или спят, иль правят безрассудно;
Что проучить пора их без чинов;
Что, впрочем, с ближних гор камнями нетрудно
На небо дошвырнуть в богов
И заметать Олимп стрелами.
Смутяся дерзостью безумцев и хулами,
К Зевесу весь Олимп с мольбою приступил,
Чтобы беду он отвратил;
И даже весь совет богов тех мыслей был,
Что, к убеждению бунтующих, не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потоп, иль с трусом гром,
Или хоть каменным ударить в них дождём.
«Пождём»,
Юпитер рёк: «а если не смирятся
И в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь,
Они от дел своих казнятся».
Тут с шумом в воздухе взвилась
Тьма камней, туча стрел от войск богомятежных,
Но с тысячью смертей, и злых, и неизбежных,
На собственные их обрушились главы.

Плоды неверия ужасны таковы;
И ведайте, народы, вы,
Что мнимых мудрецов кощунства толки смелы,
Чем против божества вооружают вас,
Погибельный ваш приближают час,
И обратятся все в громовые вам стрелы.

Орёл и куры

Желая светлым днём вполне налюбоваться,
Орёл поднебесью летал
И там гулял,
Где молнии роятся.
Спустившись, наконец, из облачных вышин,
Царь-птица отдыхать садится на овин.
Хоть это для Орла насесток незавидный,
Но у Царей свои причуды есть:
Быть может, он хотел овину сделать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сесть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только что Орёл
Не много посидел
И тут же на другой овин перелетел.
Увидя то, хохлатая наседка
Толкует так с своей кумой:
«За что Орлы в чести такой?
Неужли за полёт, голубушка соседка?
Ну, право, если захочу,
С овина на овин и я перелечу.
Не будем же вперёд такие дуры,
Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
Да ты же видела сейчас,
Что понизу они летают так, как куры».
Орёл отвечает, наскуча вздором тем:
«Ты права, только не совсем.
Орлам случается и ниже кур спускаться;
Но курам никогда до облак не подняться!»

—
Когда таланты судишь ты, —
Считать их слабости трудов не трать напрасно;
Но, чувствуя, что в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

Бочка

Приятель своего приятеля просил,
Чтоб Бочкою его дни на три он ссудил.
Услуга в дружбе – вещь святая!
Вот, если б дело шло о деньгах, речь иная:
Тут дружба в сторону, и можно б отказать;
А Бочки для чего не дать?
Как возвратилась она, тогда опять
Возить в ней стали воду.
И всё бы хорошо, да худо только в том:
Та Бочка для вина брана откупщиком,
И настоялась так в два дни она вином,
Что винный дух пошёл от ней во всём:
Квас, пиво ли сварят, ну даже и в съестном.
Хозяин бился с ней близ году:
То выпарит, то ей проветриться даёт;
Но чем ту Бочку ни нальёт,
А винный дух всё вон нейдёт,
И с Бочкой, наконец, он принужден расстаться.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьем вредным с юных дней
Нам стоит раз лишь напиться,
А там во всех твоих поступках и делах,
Каков ни будь ты на словах,
А всё им будешь отзываться.

Волк на псарне

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.
«Огня!» – кричат: «огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щёлкая и ошетиная шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,
И что приходит, наконец,
Ему расчесться за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры,
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, оставим общий лад!
А я, не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» – «Послушай-ка, сосед»,
Тут ловчий перервал в ответ:
«Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Ручей

Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске,
Свою беду и свой урон невозвратимый:
Ягнёнок у него любимый
Недавно утонул в реке.
Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:
«Река несытая! что, если б дно твоё
Так было, как моё
Для всех и ясно, и открыто,
И всякий видел бы на тинистом сём дне
Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я, чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла
И в тёмных пропастях себя сокрыла.
Мне кажется, когда бы мне
Дала судьба обильные столь воды,
Я, украшеньем став природы,
Не сделал курице бы зла:
Как осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждого кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежал долины и луга,
Но с них бы не унёс листочка.
Ну, словом, делая путём моим добро,
Не приключая нигде ни бед, ни горя,
Вода моя до самого бы моря
Так докатилась чиста, как серебро».
Так говорил Ручей, так думал в самом деле.
И что ж? Не минуло недели,
Как туча ливная над ближнею горой
Расселась:
Богатством вод Ручей сравнялся вдруг с рекой;
Но, ах! куда в Ручье смиренность делась?
Ручей из берегов бьёт мутною водой,
Кипит, ревет, крутит нечисту пену в клубы,
Столетние валяет дубы,
Лишь трески слышны вдалеке;
И самый тот пастух, за коего реке
Пенял недавно он каким кудрявым складом,
Погиб со всем своим в нём стадом,
А хижинки его пропали и следы.

Как много ручейков текут так смиренно, гладко,
И так журчат для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало в них воды!

Лисица и Сурок

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки!»
Лисицу спрашивал Сурок.
«Ох, мой голубчик-куманёк!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьёй,
Утратила в делах здоровье и покой,
В трудах куска не доедала,
Ночей не досыпала:
И я ж за то под гнев подпала;
А всё по клеветам. Ну, сам подумай ты:
Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?
Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько». —
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

—
Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согрешишь, не скажешь:
Что у него пушок на рыльце есть.

Прохожие и Собаки

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там ещё две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял:
«И, полно, братец!» тут другой ему сказал:
«Собак ты не уймёшь от лаю,
Лишь пуще всю раздражишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают, да отстанут.

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?»
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Лжец

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счёту прилыгал.
«Нет», говорит: «что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.
Никто там ни садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растёт и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору». —
«Что за диковина!» приятель отвечал:
«На свете чудеса рассеяны повсюду;
Да не везде их всякий примечал.
Мы сами, вот, теперь подходим к чуду,
Какого ты нигде, конечно, не встречал,
И я в том спорить буду.
Вон, видишь ли через реку тот мост,
Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,
А свойство чудное имеет:
Лжец ни один у нас по нём пройти не смеет:
До половины не дойдёт —
Провалится и в воду упадёт;
Но кто не лжет,
Ступай по нём, пожалуй, хоть в карете». —
«А какова у вас река?» —
«Да не мелка.
Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!
Хоть римский огурец велик, нет спору в том,
Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нём?» —
«Гора хоть не гора, но, право, будет с дом». —
«Поверить трудно!
Однако ж как ни чудно,
А всё чудён и мост, по коем мы пойдём,
Что он Лжеца никак не подымает;

И нынешней ещё весной
С него обрушились (весь город это знает)
Два журналиста, да портной.
Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо». —
«Ну, не такое ещё диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что там за дома:
В один двоим за нужду влезть,
И то ни стать, ни сесть!» —
«Пусть так, но всё признаться должно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж, мост-ат наш каков,
Что Лгун не сделает на нём пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...» —
«Послушай-ка», тут перервал мой Лжец:
«Чем на мост нам итти, поищем лучше броду».

Орёл и Пчела

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
Ему и то уж силы придаёт,
Что подвигов его свидетель целый свет.
Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
За все труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживлён одной:
Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вокруг цветка,
Сказал Орёл однажды ей с презреньем:
«Как ты, бедняжка, мне жалка,
Со всей твоей работой и с уменьем!
Вас в улье тысячи всё лето лепят сот:
Да кто же после разберёт
И отличит твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?..
Безвестной умереть со всеми наряду!
Какая разница меж нами!
Когда, расширися шумящими крылами,
Ношуся я под облаками,
То всюду засеваю страх:
Не смеют от земли пернатые подняться,
Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
Ни лани быстрые не смеют на полях,
Меня завидя, показаться».
Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ишу свои работы,
Но утешаюсь тем, на наши смотря соты,
Что в них и моего хоть капля мёду есть».

Заяц на ловле

Большой собравшись гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле задавили —
И делят меж собой,
Кто что себе достанет.
А Заяц за ушко медвежье тут же тянет.
«Ба, ты, косой»,
Кричат ему: «пожаловал отколе?
Тебя никто на ловле не видал». —
«Вот, братцы!» Заяц отвечал:
«Да из лесу-то кто ж, – всё я его пугал
И к вам поставил прямо в поле
Сердечного дружка?»
Такое хвастовство хоть слишком было явно,
Но показалось так забавно,
Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

—
Над хвастунами хоть смеются,
А часто в дележе им доли достаются.

Щука и Кот

Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдёт на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот всегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

—
Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль её лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял её с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?»
Стал Щуке Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даром говорится,
Что дело мастера боится». —
«И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей». —
«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот
И кумушку проведать он идёт;
А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, —
И крысы хвост у ней отъели.
Тут видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил её обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперёд умнее быть
И за мышами не ходить.

Волк и Кукушка

«Прощай, соседка!» Волк Кукушке говорил:
«Напрасно я себя покоем здесь манил!
Всё те ж у вас и люди, и собаки:
Один другого злей; и хоть ты ангел будь,
Так не минуешь с ними драки». —
«А далеко ль соседу путь?
И где такой народ благочестивой,
С которым думаешь ты жить в ладу?» —
«О, я прямёхонько иду
В леса Аркадии счастливой.
Соседка, то-то сторона!
Там, говорят, не знают, что война;
Как агнцы, кротки человеки,
И молоком текут там реки;
Ну, словом, царствуют златые времена!
Как братья, все друг с другом поступают,
И даже, говорят, собаки там не лают,
Не только не кусают.
Скажи ж сама, голубка, мне,
Не мило ль, даже и во сне,
Себя в краю таком увидеть тихом?
Прости! не поминай нас лихом!
Уж то-то там мы заживём:
В ладу, в довольстве, в неге!
Не так, как здесь, ходи с оглядкой днём,
И не засни спокойно на ночлеге». —
«Счастливый путь, сосед мой дорогой!»
Кукушка говорит: «а свой ты нрав и зубы
Здесь кинешь, иль возьмёшь с собой?» —
«Уж кинуть, вздор какой!» —
«Так вспомни же меня, что быть тебе
без шубы».

—
Чем нравом кто дурней,
Тем более кричит и ропщет на людей:
Не видит добрых он, куда ни обернётся,
А первый сам ни с кем не уживётся.

Петух и Жемчужное Зерно

Навозну кучу разрывая,
Петух нашёл Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

—
Невежи судят точно так:
В чём толку не поймут, то всё у них пустяк.

Крестьянин и работник

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

—
Старик-Крестьянин с Батраком
Шёл, под-вечер, леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!»
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот, новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нём,
Отнёс полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замятво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй», говорит: «за что?» – «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

Обоз

С горшками шёл Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понёс,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хвалёный, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осёл! Добро бы было в гору,
Или в ночную пору;
А то и под-гору, и днём!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнём!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезём, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под-гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырёх ног
На-славу;
По камням, рывинам, пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом – бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

—
Как в людях многие имеют слабость ту же:
Всё кажется в другом ошибкой нам:
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

Воронёнок

Орёл
Из-под небес на стадо налетел
И выхватил ягнёнка,
А ворон молодой вблизи на то смотрел.
Взманило это Воронёнка,
Да только думает он так: «Уж братъ, так братъ,
А то и когти что марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну, только ль в стаде что ягняты?
Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!»
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал, наконец,
Барана, да какого?
Прежирного, прематерого,
Который доброму б и волку был в подъём.
Издавсь, на него спустился
И в шерсть ему, что силы есть, вцепился.
Тогда-то он узнал, что добычь не по нём.
Что хуже и всего, так на баране том
Тулуп такой был прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что из него когтей не вытербил вон
Затейник наш крылатый,
И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
С барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окарнали
И детям отдали играть.

—
Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Что сходит с рук вора, за то воришек бьют.

Слон на воеводстве

Кто знатен и силён,
Да не умён,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

—
На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однако же в семье не без уroda:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит:
Вступило от овец прошение в Приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».
«О, плуты!» Слон кричит: «какое преступленье!
Кто грабить дал вам позволение?»
А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
Не ты ль нам к зиме на тулупы
Позволил лёгонький оброк собрать с овец?
А что они кричат, так овцы глупы:
Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять;
Да и того им жаль отдать». —
«Ну то-то ж», говорит им Слон: «смотрите!
Неправды я не потерплю ни в ком.
По шкурке, так и быть, возьмите;
А больше их не троньте волоском».

Осёл и Соловей

Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище:
Хотел бы очень я
Сам посудить, твоё услышав пенье,
Велико ль подлинно твоё уменье?»
Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защёлкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры;
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.
Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом,
«Изрядно», говорит: «сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Ещё б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и – полетел за тридевять полей.

Избави, бог, и нас от этаких судей.

Откупщик и сапожник

Богатый Откупщик в хоромах пышных жил,
Ел сладко, вкусно пил;
По всякий день давал пиры, банкеты,
Сокровищ у него нет сметы.
В дому сластей и вин, чего ни пожелай:
Всего с избытком, через край.
И, словом, кажется, в его хоромах рай.
Одним лишь Откупщик страдает,
Что он не досыпает,
Уж божьего ль боится он суда,
Иль, просто, трусит разориться:
Да только всё ему не крепко как-то спится.
А сверх того, хоть иногда
Он вздремлет на заре, так новая беда:
Бог дал ему певца, соседа.
С ним из окна в окно жил в хижине бедняк
Сапожник, но такой певун и весельчак,
Что с утренней зари и до обеда,
С обеда до-ночи безумолку поёт
И богачу заснуть никак он не даёт.
Как быть, и как с соседом сладить,
Чтоб от пенья его отвадить?
Велеть молчать: так власти нет;
Просил: так просьба не берёт.
Придумал, наконец, и за соседом шлёт.
Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить». —
«Эх, братцы, это всё не так»,
Сосед толкует Фока:
«не то беда, что клеть далёка,
Да надо на дворе лихих держать собак;
Возьми-ка у меня щенка любого
От жучки: я бы рад соседа дорогого
От сердца наделить,
Чем их топить».
И словом, от родни и от друзей любезных
Советов тысячу надавано полезных,
Кто сколько мог,
А делом ни один бедняжке не помог.

На свете таково ж: коль в нужду попадешься,
Отведай сунуться к друзьям:
Начнут советовать и вкось тебе, и впрямь:
А чуть о помощи на деле заикнёшься,
То лучший друг
И нем и глух.

ХОЗЯИН И МЫШИ

Коль в доме станут воровать,
А нет прилики вору,
То берегись клепать,
Или наказывать всех сплошь и без разбору:
Ты вора этим не уймёшь
И не исправишь,
А только добрых слуг с двора бежать заставишь,
И от меньшей беды в большую попадёшь.

—
Купчина выстроил анбары
И в них поклат съестные все товары.
А чтоб мышиный род ему не навредил,
Так он полицию из кошек учредил.
Спокоен от Мышей Купчина;
По кладовым и день и ночь дозор;
И всё бы хорошо, да сделалась причина:
В дозорных появился вор.
У кошек, как у нас (кто этого не знает?),
Не без греха в надсмотрщиках бывает.
Тут, чем бы вора подстеречь
И наказать его, а правых поберечь,
Хозяин мой велел всех кошек пересечь.
Услыша, приговор такой замысловатый,
И правый тут, и виноватый
Скорей с двора долой.
Без кошек стал Купчина мой.
А Мыши лишь того и ждали, и хотели:
Лишь кошки вон, они – в анбар,
И в две иль три недели
Поели весь товар.

Слон и Моська

По улицам Слона водили,
Как видно напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться»,
Ей шавка говорит: «тебе ль с Слоном возиться?»
Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт
Вперёд
И лаю твоего совсем не примечает». —
«Эх, эх!» ей Моська отвечает:
«Вот то-то мне и духу придает,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!»»

Волк и Волчонок

Волчонка Волк, начав помалу приучать
Отцовским промыслом питаться,
Послал его опушкой прогуляться;
А между тем велел прилежней примечать,
Нельзя ль где счастья им отведать,
Хоть, захвата греха,
На счёт бы пастуха
Позавтракать иль пообедать!
Приходит ученик домой
И говорит: «Пойдём скорей со мной!
Обед готов; ничто не может быть вернее:
Там под горой
Пасут овец, одна другой жирнее;
Любую стоит лишь унести
И съесть;
А стадо таково, что трудно перечесть». —
«Постой-ка», Волк сказал:
«сперва мне ведать надо,
Каков пастух у стада?» —
«Хоть говорят, что он
Не плох, заботлив и умён,
Однако стадо я обшёл со всех сторон
И высмотрел собак: они совсем не жирны,
И плохи, кажется, и смирны». —
«Меня так этот слух»,
Волк старый говорит: «не очень к стаду манит;
Коль подлинно не плох пастух,
Так он плохих собак держать не станет.
Тут тотчас попадёшь в беду!
Пойдём-ка, я тебя на стадо наведу,
Где сбережём верней мы наши шкуры:
Хотя при стаде том и множество собак,
Да сам пастух дурак;
А где пастух дурак, там и собаки дуры».

Обезьяна

Как хочешь ты трудись;
Но приобрести не лстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.

—
Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился:
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать!
Мартышку это в зависть вводит.
Хвалы приманчивы, – как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан, и ну над ним возиться!
Хлопот
Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесёт,
То так, то сяк его обхватит,
То поволочет, то покатит;
Рекой с бедняжки льётся пот;
И наконец она, пыхтя, насилиу дышит:
А всё ни от кого похвал себе не слышит.
И не диковинка, мой свет!
Трудишься много ты, да пользы в этом нет.

Мешок

В прихожей на полу,
В углу,
Пустой мешок валялся.
У самых низких слуг
Он на обтирку ног нередко помыкался;
Иль между игроков,
Которы у себя за редкость рубль видали,
А ныне, пополам с грехом, богаты стали;
О которыми теперь и графы и князья —
Друзья;
Которые теперь с вельможей,
У коего они не смели сесть в прихожей,
Играют запросто в бостон?
Велико дело – миллион!
Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вам тишком?
Не дай бог, если разоритесь:
И с вами точно так поступят, как с Мешком.

Кот и Повар

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по куме тризну правил),
А дома стеречи съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
«Ах, ты, обжора! ах, злодей!»
Тут Ваську Повар укоряет:
«Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька всё-таки курчонка убирает.)
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства кажут, —
А ты... ахти, какой позор!
Теперь все соседи скажут:
«Кот-Васька плут! Кот-Васька вор!
И Ваську-де, не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест.)
Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот-Васька всё жаркое съел.

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить попустому,
Где нужно власть употребить.

Лев и Комар

Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презренье Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
Сам ратник, сам трубач пищит во всю гортань
И вызывает Льва на смертоносну брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился
И Льву в крестец всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увёртлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосёт.
Лев голову крутит, Лев гривую трясёт;
Но наш герой своё несёт:
То в нос забьётся Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рёв,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерёт когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; всё кроется, бежит:
Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришёл потоп или пожар!
И кто ж? Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса вдруг становится Омиром,
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

Огородник и Философ

Весной в своих грядках так рылся Огородник,
Как будто бы хотел он вырыть клад:
Мужик ретивый был работник,
И дюж, и свеж на взгляд;
Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд.
Двор обо двор с ним жил охотник
До огородов и садов,
Великий краснобай, названный друг природы,
Недоучённый Философ,
Который лишь из книг болтал про огороды.
Однако ж, за своим он вздумал сам ходить
И тоже огурцы садить;
А между тем смеялся так соседу:
«Сосед, как хочешь ты потей,
А я с работою моею
Далёко от тебя уеду,
И огород твой при моём
Казаться будет пустырём.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-как идёт.
Как ты ещё не разорился?
Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?»
«И некогда», соседа был ответ.
«Прилежность, навык, руки:
Вот все мои тут и науки;
Мне бог и с ними хлеб даёт». —
«Невежа! восставать против наук ты смеешь?» —
«Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:
Коль ты что путное затеешь,
Я перенять всегда готов». —
«А вот, увидишь ты,
лишь лета б нам дожждаться...» —
«Но, барин, не пора ль за дело приниматься?
Уж я кой-что посеял, посадил;
А ты и гряд ещё не взрыл». —
«Да, я не взрыл, за недосугом:
Я всё читал
И вычитал,
Чем лучше: заступом их взрыть, сохой иль плугом.
Но время ещё не уйдёт». —
«Как вас, а нас оно не очень ждёт»,
Последний отвечал, — и тут же с ним расстался,
Взяв заступ свой;
А Философ пошёл домой.
Читал, выписывал, справлялся,

И в книгах рылся и в грядках,
С утра до вечера в трудах.
Едва с одной работой сладит,
Чуть на грядках лишь что взойдёт —
В журналах новость он найдёт —
Всё перероет, пересадит
На новый лад и образец.
Какой же вылился конец?
У Огородника возшло всё и поспело:
Он с прибылью, и в шляпе дело;
А Философ —
Без огурцов.

Крестьянин и Лисица

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть
Кур красть?»
Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею.
«Я, право, о тебе жалею!
Послушай, мы теперь вдвоём,
Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём
Ни на волос добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грех и стыдно,
И что бранит тебя весь свет;
Да дня такого нет,
Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
В курятнике оставить шкуры!
Ну, стоят ли того все куры?» —
«Кому такая жизнь сносна?»
Лисица отвечает:
«Меня так всё в ней столько огорчает,
Что даже мне и пища не вкусна.
Когда б ты знал, как я в душе честна!
Да что же делать? Нужда, дети;
Притом же иногда, голубчик-кум,
И то приходит в ум,
Что я ли воровством одна живу на свете?
Хоть этот промысел мне точно острый нож». —
«Ну, что ж?»
Крестьянин говорит: «коль вправду ты не лжёшь,
Я от греха тебя избавлю
И честный хлеб тебе доставлю;
Наймись курятник мой от лис ты охранять:
Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
Зато ни в чём не будешь ты нуждаться
И станешь у меня как в масле сыр кататься».
Торг слажен; и с того ж часа
Вступила в караул Лиса.
Пошло у мужика житьё Лисе привольно; —
Мужик богат, всего Лисе довольно;
Лисица стала и сытей,
Лисица стала и жирней,
Но всё не сделалась честней:
Некраденый кусок приелся скоро ей;
И кумушка тем службу повершила,
Что, выбрав ночь потемней,
У куманька всех кур передушила.

—
В ком есть и совесть, и закон,
Тот не украдет, не обманет,

В какой бы нужде ни был он;
А вору дай хоть миллион —
Он воровать не перестанет.

Воспитание Льва

Льву, Кесарю лесов, бог сына даровал.
Звериную вы знаете природу:
У них, не как у нас – у нас ребёнок году,
Хотя б он царский был, и глуп, и слаб, и мал;
А годовалый Львёнок
Давно уж вышел из пелёнок.
Так к году Лев-отец не шуткой думать стал,
Чтобы сына невежей не оставить,
В нём царску честь не уронить,
И чтоб, когда сынку придётся царством править,
Не стал бы за сына народ отца бранить.
Кого ж бы попросить, нанять или заставить
Царевича Царём на-выучку поставить?
Отдать его Лисе – Лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецом во всяком деле мука. —
Так это, думал Царь, не царская наука.
Отдать Кроту: о нём молва была,
Что он во всём большой порядок любит:
Без ошупи шага не ступит
И всякое зерно для своего стола
Он сам и чистит, сам и лупит;
И словом, слава шла,
Что Крот великий зверь на малые дела:
Беда лишь, под носом глаза Кротовы зорки,
Да вдаль не видят ничего;
Порядок же Кротов хорош, да для него;
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взять ли Барса? Барс отважен и силён,
А сверх того, великий тактик он;
Да Барс политики не знает:
Гражданских прав совсем не понимает,
Какие ж царствовать уроки он подаст!
Царь должен быть судья, министр и воин;
А Барс лишь резаться горазд:
Так и детей учить он царских недостоин.
Короче: звери все, и даже самый Слон,
Который был в лесах почтён,
Как в Греции Платон,
Льву всё ещё казался не умён,
И не учён.
По счастью, или нет (увидим это вскоре),
Услышав про царёво горе,
Такой же царь, пернатых царь, Орёл,
Который вёл

Со Львом приязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу
И вызвался сам Львёнка воспитать.
У Льва как гору с плеч свалило.
И подлинно: чего, казалось, лучше было
Царевичу царя в учителя сыскать?
Вот Львёнка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать к Орлу.
Проходит год и два; меж тем, кого ни спросят,
О Львёнке ото всех лишь слышат похвалу:
Все птицы чудеса о нём в лесах разносят.
И наконец приходит срочный год,
Царь-Лев за сыном шлёт.
Явился сын; тут царь собирает весь народ,
И малых и больших сзывает;
Сынка целует, обнимает,
И говорит ему он так: «Любезный сын,
По мне наследник ты один;
Я в гроб уже гляжу, а ты лишь в свет вступаешь:
Так я тебе охотно царство сдам.
Скажи теперь при всех лишь нам,
Чему учён ты, что ты знаешь
И как ты свой народ счастливым сделать чаешь?» —
«Папа», отвечивал сынок: «я знаю то,
Чего не знает здесь никто:
И от Орла до Перепёлки,
Какой где птице боле вод,
Какая чем из них живёт,
Какие яйца несёт,
И птички нужды все сочту вам до иголки.
Вот от учителей тебе мой аттестат:
У птиц недаром говорят,
Что я хватаю с неба звёзды;
Когда ж намерен ты правленье мне вручить,
То я тотчас начну зверей учить
Вить гнёзды».
Тут ахнул царь и весь звериный свет;
Повесил головы Совет,
А Лев-старик поздненько спохватился,
Что Львёнок пустякам учился
И не добро он говорит;
Что пользы нет большой тому знать птичий быт,
Кого зверьми владеть поставила природа,
И что важнейшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

Дерево

Увидя, что топор крестьянин нёс,
«Голубчик», Деревцо сказала молодое:
«Пожалуй, выруби вокруг меня ты лес,
Я не могу расти в покое:
Ни солнца мне не виден свет,
Ни для корней моих простору нет,
Ни ветеркам вокруг меня свободы,
Такие надо мной он сплесть изволил своды!
Когда б не от него расти помеха мне,
Я в год бы сделалась красою сей стране,
И тенью бы моей покрылась вся долина;
А ныне тонко я, почти как хворостина».
Взялся крестьянин за топор,
И Дереву, как другу,
Он оказал услугу:
Вкруг Деревца большой очистился простор;
Но торжество его недолго было!
То солнцем дерево печёт,
То градом, то дождем сечёт,
И ветром, наконец, то Деревцо сломило.
«Безумное!» ему сказала тут змея:
«Не от тебя ль беда твоя?
Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало,
Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли,
Тебя бы старые деревья берегли;
А если б некогда деревьев тех не стало,
И время их бы отошло:
Тогда в свою чреду, ты столько б возросло,
Усилилось и укрепилось,
Что нынешней беды с тобой бы не случилось,
И бурю, может быть, ты б выдержать могло!»

Гуси

Предлинной хворостиной
Мужик Гусей гнал в город продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вежливо честил свой гурт гусиной:
На барыши спешил к базарному он дню
(А где до прибыли коснётся,
Не только там гусям, и людям достаётся).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе об этом толковали
И, встретясь с прохожим на пути,
Вот как на мужика пеняли:
«Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
Мужик так нами помыкает,
И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
А этого не смыслит неуч сей,
Что он обязан нам почтеньем;
Что мы свой знатный род ведём от тех Гусей,
Которым некогда был должен Рим спасеньем:
Там даже праздники им в честь учреждены!» —
«А вы хотите быть за что отличены?»
Спросил прохожий их. — «Да наши предки...» —
«Знаю,
И всё читал: но ведать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?» —
«Да наши предки Рим спасли!» —
«Всё так, да вы что сделали такое?» —
«Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго
в вас есть?
Оставьте предков вы в покое:
Им по-делом была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

—
Баснь эту можно бы и боле пояснить —
Да чтоб гусей не раздражить.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
Вокруг конюшен там и кухню наслонялась;
В сору, в навозе извалялась;
В помоях по-уши до-сыта накупалась:
И из гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого?»
Свинью спросил пастух:
«Ведь идет слух,
Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг;
А в доме, так одно богачее другого?»
Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
Я не заметила богатства никакого:
Всё только лишь навоз, да сор;
А, кажется, уж, не жалея рыла,
Я там изрыла
Весь задний двор».

—
Не дай бог никого сравнением мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?

Муха и дорожные

В Июле, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками, в гору,
С поклажей и с семьёй дворян,
Четвёркою рыдван
Тащился.
Кони измучились, и кучер как ни бился,
Пришло хоть стать. Слезает с козел он
И, лошадей мучитель,
С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон:
А легче нет. Ползут из колымаги вон
Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
Но, знать, рыдван был плотно нагружён,
Что лошади, хотя его тронули,
Но в гору по песку едва-едва тянули.
Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокруг повозки суетится;
То над носом юлит у коренной,
То лоб укусит пристяжной,
То вместо кучера на козлы вдруг садится,
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперёк шныряет меж людей;
Ну, словно откупщик на ярмарке, хлопочет,
И только плачется на то,
Что ей ни в чём, никто
Никак помочь не хочет.
Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;
Учитель с барыней шушукают тишком;
Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
Ушёл с служанкой в бор искать грибов на ужин;
И Муха всем жужжит, что только лишь она
О всём заботится одна.
Меж тем лошадушки, шаг за шаг, понемногу
Втащились на ровную дорогу.
«Ну», Муха говорит: «теперь слава богу!
Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
А мне уж дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носят».

Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.

Орёл и Паук

За облака Орёл
На верх Кавказских гор поднялся;
На кедре там столетнем сел
И зримым под собой пространством любовался.
Казалось, что оттоль он видел край земли:
Там реки по степям излучисто текли;
Здесь рощи и луга цвели
Во всём весеннем их уборе;
А там сердитое Каспийско Море,
Как ворона крыло, чернелось вдали.
«Хвала тебе, Зевес, что, управляя светом,
Ты рассудил меня снабдить таким полётом.
Что неприступной я не знаю высоты»,
Орёл к Юпитеру взывает:
«И что смотрю оттоль на мира красоты,
Куда никто не залетает». —
«Какой же ты хвастун, как погляжу!»
Паук ему тут с ветки отвечает:
«Да ниже ль я тебя, товарищ, здесь сижую?»
Орёл глядит: и подлинно, Паук,
Над самым им раскинув сеть вокруг,
На веточке хлопочет
И, кажется, Орлу заткать он солнце хочет.
«Ты как на этой высоте?»
Спросил Орёл: «и те,
Которые полёт отважнейший имеют,
Не все сюда пускаться смеют;
А ты без крыл и слаб; неужли ты дополз?» —
«Нет, я б на это не решился». —
«Да как же здесь ты очутился?» —
«Да я к тебе же прицепился,
И снизу на хвосте ты сам меня занёс:
Но здесь и без тебя умею я держаться;
И так передо мной прошу не величаться;
И знай, что я...» Тут вихрь, отколе ни возмись,
И сдунул Паука опять на самый низ.

Как вам, а мне так кажутся похожи
На этаких нередко Пауков
Те, кои без ума и даже без трудов,
Тащатся вверх, держась за хвост вельможи;
А надувают грудь,
Как будто б силою их бог снабдил орлиной:
Хоть стоит ветру лишь пахнуть,
Чтоб их унести и с паутиной.

Лань и Дервиш

Младая Лань, своих лишась любезных чад,
Ещё сосцы млекою имея отягчённы,
Нашла в лесу двух малых волченят
И стала выполнять долг матери священный,
Своим питая их млекою.
В лесу живущий с ней одним,
Дервиш, её поступком изумлённый,
«О, безрассудная!» сказал: «к кому любовь,
Кому своё млеко ты расточаешь?
Иль благодарности от их ты роду чаешь?
Быть может, некогда (иль злости их не знаешь?)
Они прольют твою же кровь». —
«Быть может», Лань на это отвечала:
«Но я о том не помышляла
И не желаю помышлять:
Мне чувство матери одно теперь лишь мило.
И молоко моё меня бы тяготило,
Когда б не стала я питать».

Так, истинная благодать
Без всякой мзды добро творит:
Кто добр, тому избытки в тягость,
Коль он их с ближним не делит.

Собака

У барина была Собака шаловлива,
Хоть нужды не было Собаке той ни в чём:
Иная бы таким житьём
Была довольна и счастлива
И не подумала бы красть!
Но уж у ней была такая страсть:
Что из мясного ни достанет,
В минуту стянет.
Хозяин сладить с ней не мог,
Как он ни бился,
Пока его приятель не вступился
И в том ему советом не помог.
«Послушай», говорит: «хоть, кажется, ты строг,
Но ты лишь красть Собаку приучаешь,
Затем, что краденый кусок
Всегда ей оставляешь.
А ты вперёд её хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней».
Едва лишь на себе Собака испытала
Совет разумный сей, —
Шалить Собака перестала.

Квартет

Проказница-Мартышка,
Осёл,
Козёл,
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альты, две скрипки
И сели на лужок под липки, —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой!» кричит Мартышка:
«погодите!
Как музыке итти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альты,
Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдёт уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдёт.
«Постойте ж, я сыскал секрет»,
Кричит Осёл: «мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А всё-таки Квартет нейдёт на лад.
Вот, пуще прежнего, пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.
Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему,
чтоб их решить сомненье:
«Пожалуй», говорят: «возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привести:
И ноты есть у нас, и инструменты есть:
Скажи лишь, как нам сесть!» —
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней»,
Им отвечает Соловей:
«А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

Листы и корни

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зелёностью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нём без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарёй
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами». —
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам»,
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те»,
Им снизу отвечали:
«Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветёте.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится;
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

Волк и Лисица

Охотно мы дарим,
Что нам не надобно самим.
Мы это басней поясним,
Затем, что истина сноснее вполоткрыта.

—
Лиса, курятинки накушавшись до-сыта,
И добрый ворошок припрятавши в запас,
Под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час.
Глядит, а в гости к ней голодный Волк тащится.
«Что, кумушка, беды!» он говорит:
«Ни косточкой не мог нигде я поживиться;
Меня так голод и морит;
Собаки злы, пастух не спит,
Пришло хоть удавиться!» —
«Неужли?» — «Право так». —
«Бедняжка-куманёк!
Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:
Я куму услужить готова».
А куму не сенца, хотелось бы мясного —
Да про запас Лиса ни слова.
И серый рыцарь мой,
Обласкан пб-уши кумой,
Пошёл без ужина домой.

Бумажный змей

Запущенный под облака,
Бумажный Змей, приметя свысока
В долине мотылька,
«Поверишь ли!» кричит: «чуть-чуть тебя
мне видно;
Признайся, что тебе завидно
Смотреть на мой высокий столь полёт». —
«Завидно? Право, нет!
Напрасно о себе ты много так мечтаешь!
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свет,
От счастья весьма далёко;
А я, хоть, правда, невысоко,
Зато лечу,
Куда хочу;
Да я же так, как ты, в забаву для другого,
Пустого,
Век целый не трещу».

Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

—
Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Скворец

У всякого талант есть свой:
Но часто, на успех прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
В чём он совсем не годен.
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.

—
Какой-то смолоду Скворец
Так петь щеглёнком научился,
Как будто бы щеглёнком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил,
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья, —
А Скворушка завистлив был, к несчастью, —
И думает: «Постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьиным ладом».
И подлинно запел;
Да только лишь совсем особым складом:
То он пищал, то он хрипел,
То верещал козлёнком,
То не путём
Мяукал он котёнком;
И, словом, разогнал всех птиц своим пеньём.
Мой милый Скворушка, ну, что за прибыль
в том?
Пой лучше хорошо щеглёнком,
Чем дурно соловьём.

Пруд и Река

«Что это», говорил Реке соседний Пруд:
«Как на тебя ни взглянешь,
А воды всё твои текут!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притом же, вижу я почти всегда,
То с грузом тяжкие суда,
То долговязые плоты ты носишь,
Уж я не говорю про лодки, челноки:
Им счёту нет! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высох бы с тоски.
В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!
Конечно, я не знатен,
По карте не тянусь я через целый лист,
Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист:
Да это, право, всё пустое!
За то я в илистых и мягких берегах,
Как барыня в пуховиках,
Лежу и в неге, и в покое;
Не только что судов
Или плотов,
Мне здесь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каков тяжёл челнок;
И много, ежели случится,
Что по воде моей чуть зыблется листок,
Когда его ко мне забросит ветерок.
Что беззаботную заменит жизнь такую?
За ветрами со всех сторон,
Не движась, я смотрю на суету мирскую
И философствую сквозь сон». —
«А, философствуя, ты помнишь ли закон?»
Река на это отвечает:
«Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?
И если стала я великою рекой,
Так это от того, что, кинувши покой,
Последую сему уставу.
Зато по всякий год,
Обилием и чистотою вод
И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу.
И буду, может быть, ещё я веки течь,
Когда уже тебя не будет и в-помине,
И о тебе совсем исчезнет речь».
Слова её сбылись: она течёт поныне;
А бедный Пруд год от году всё глож,
Заволочён весь тиною глубокой,
Зацвёл, зарос осокой,

И, наконец, совсем иссох.

—
Так дарование без пользы свету вянет,
Слабея всякий день,
Когда им овладеет лень
И оживлять его деятельность не станет.

Тришкин кафтан

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Чтб долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да чтб до этого печали?
Однако же смеётся Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак,
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

—
Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют,
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

Механик

Какой-то молодец купил огромный дом,
Дом, правда, дедовский, но строенный на-славу:
И прочность, и уют, всё было в доме том,
И дом бы всем пришёл ему по нраву,
Да только то беды —
Немножко далеко стоял он от воды.
«Ну, что ж», он думает: «в своём добре я властен;
Так дом мой, как он есть,
Велю машинами к реке я перевезть
(Как видно, молодец механикой был страстен!),
Лишь сани под него подвести,
Подрывшись наперёд ему под основанье,
А там уже, изладя на катках,
Я вёротом, куда хочу, всё зданье
Поставлю, будто на руках.
И что ещё, чего не видано на свете:
Когда перевозить туда мой будут дом,
Тогда под музыкой с приятелями в нём,
Пируя за большим столом,
На новоселье я поеду, как в карете».
Пленяся глупостью такой.
И к делу приступил тотчас Механик мой.
Рабочих подрядил, под домом рылся, рылся,
Ни денег, ни забот нимало не берёт;
Однако ж дома он перетащить не мог
И только до того добился,
Что дом его свалился.

—
Как много у людей
Затей,
Которые ещё опасней и глупей!

Пожар и Алмаз

Из малой искры став пожаром,
Огонь, в стремленьи яром,
По зданьям разлился в глухой полночный час.
При общей той тревоге,
Потерянный Алмаз
Едва сквозь пыль мелькал, валяясь по дороге.
«Как ты, со всей своей игрой»,
Сказал Огонь: «ничтожен предо мной!
И сколь навычное потребно зренье,
Чтоб различить тебя, при малом отдалении,
Или с простым стеклом, иль с каплею воды,
Когда в них луч иль мой, иль солнечный играет!
Уж я не говорю, что всё тебе беды,
Что на тебя ни попадает:
Безделка – ленты лоскуток;
Как часто блеск твой затмевает,
Вокруг тебя один обвившись, волосок!
Не так легко затмить моё сиянье,
Когда я, в ярости моей,
Охватываю зданье.
Смотри, как все усилия людей
Против себя я презираю;
Как с треском, всё, что встречу, пожираю —
И зарево моё, играя в облаках,
Окрестностям наводит страх!» —
«Хоть против твоего мой блеск и беден»,
Алмаз отвечает: «но я безвреден:
Не укорит меня никто ничьей бедой,
И луч досаден мой
Лишь зависти одной;
А ты блестяшь лишь тем, что разрушаешь;
Зато, всей силой съединясь,
Смотри, как рвутся все, чтоб ты скорей погас.
И чем ты яростней пылаешь,
Тем ближе, может быть, к концу».
Тут силой всей народ тушить Пожар принялся;
На утро дым один и смрад по нём остался:
Алмаз же вскоре отыскался
И лучшею красой стал царскому венцу.

Пустынник и Медведь

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за неё не всяк умеет взяться:
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

—
Жил некто человек безродный, одинакой,
Вдали от города, в глуши.
Про жизнь пустынную, как сладко ни пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно нам и грусть, и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а тёмная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?» —
«Прекрасны, что и говорить!
А всё прискучится, как не с кем молвить слова».
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.
Идёт он в лес толкнуться у соседей,
Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
В лесу кого набрести,
Кроме волков или медведей?
И точно, встретился с большим Медведем он,
Но делать нечего: снимает шляпу
И милому соседушке поклон.
Сосед ему протягивает лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чём у них, и что бывало разговору,
Иль присказок, иль шуточек каких,
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рощам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал

И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни,
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».
Пустынник был сговорчив: лёг, зевнул,
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах – да он и не без дела:
У друга на нос муха села:
Он друга обмахнул;
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час-от-часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгрёб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть – хватъ друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

Цветы

В открытом окне богатого покоя,
В фарфоровых, расписанных горшках,
Цветы поддельные, с живыми вместе стоя,
На проволочных стебельках
Качались спесиво
И выставляли всем красу свою на-диво.
Вот дождик начал накрапать.
Цветы тафтяные Юпитера тут просят:
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругают и поносят.
«Юпитер!» молятся: «ты дождик прекрати;
Что в нём пути,
И что его на свете хуже?
Смотри, нельзя по улице пройти:
Везде лишь от него и грязь, и лужи».
Однако же Зевес не внял мольбе пустой,
И дождь себе прошёл своею полосой.
Прогнавши зной,
Он воздух прохладил; природа оживилась,
И зелень вся как будто обновилась.
Тогда и на окне Цветы живые все
Раскинулись во всей своей красе
И стали от дождя душистей,
Свежее и пушистей.
А бедные Цветы поддельные с тех пор
Лишились всей красы и брошены на двор,
Как сор.

—
Таланты истинны за критику не злятся:
Их повредить она не может красоты;
Одни поддельные цветы
Дождя боятся.

Крестьянин и Змея

Змея к Крестьянину пришла проситься в дом,
Не по-пустому жить без дела,
Нет, нянчить у него детей она хотела:
Хлеб слаще нажитый трудом!
«Я знаю», говорит она: «худую славу,
Которая у вас, людей,
Идёт про Змей,
Что все они презлого нраву;
Из древности гласит молва,
Что благодарности они не знают;
Что нет у них ни дружбы, ни родства;
Что даже собственных детей они съедают.
Всё это может быть: но я не такова.
Я сроду никого не только не кусала,
Но так гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда б я знала,
Что жить могу без жала;
И, словом, я добрей
Всех Змей.
Суди ж, как буду я любить твоих детей!» —
«Коль это», говорит Крестьянин: «и не ложно,
Всё мне принять тебя не можно;
Когда пример такой
У нас полюбят,
Тогда вползут сюда за доброю Змеёй,
Одной,
Сто злых и всех детей здесь перегубят.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому с тобой мне не ужиться,
Что лучшая Змея,
По мне, ни к чёрту не годится».

—
Отцы, понятно ль вам, на что здесь мечу я?..

Крестьянин и Разбойник

Крестьянин, заводясь домком,
Купил на ярмарке подойник, да корову,
И с ними сквозь дуброву
Тихонько брёл домой просёлочным путём,
Как вдруг Разбойнику попался.
Разбойник Мужика как липку ободрал.
«Помилуй», всплachtetся Крестьянин: «я пропал,
Меня совсем ты доканал!
Год целый я купить коровушку собирался:
Насилу этого дождался дня». —
«Добро, не плачься на меня»,
Сказал, разжалобясь, Разбойник:
«И подлинно, ведь мне коровы не доить;
Уж так и быть,
Возьми себе назад подойник».

Любопытный

«Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» —
«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Всё видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменя
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата! —
Куда на выдумки природа таровата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни, как изумруд, другие, как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!» —
«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!
Я чай, подумал ты, что гору встретил?» —
«Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец,
виноват:
Слона-то я и не приметил».

Лев на ловле

Собака, Лев, да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей съобща ловить,
И что наловится, всё поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала,
И шлёт к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришёл и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Делёж располагает
И говорит: «Мы, братцы, вчетвером»,
И на четверо он оленя раздирает.
«Теперь, давай делить! Смотрите же, друзья:
Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет».

Конь и Всадник

Какой-то Всадник так Коня себе нашколил.
Что делал из него всё, что изволил;
Не шевеля почти и поводов,
Конь слушался его лишь слов.
«Таких коней и взнуздывать напрасно»,
Хозяин некогда сказал:
«Ну, право, вздумал я прекрасно!»
И, в поле выехав, узду с Коня он снял.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавил только ходу
Слегка,
И, вскинув голову, потряхивая гривой,
Он выступкой пошёл игривой,
Как будто теща Седока.
Но, сметя, как над ним управа не крепка,
Взял скоро волю Конь ретивой:
Вскипела кровь его и разгорелся взор;
Не слушая слов всадниковых боле,
Он мчит его во весь опор
Черезо всё широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадник мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь боле лишь серчал и рвался,
И сбросил, наконец, с себя его долой;
А сам, как бурный вихрь, пустился,
Не взвидя света, ни дорог,
Поколь, в овраг со всех махнувши ног,
До-смерти не убился.
Тут в горести Седок
«Мой бедный Конь!» сказал: «я стал виною
Твоей беды!
Когда бы не снял я с тебя узды, —
Управил бы наверно я тобою:
И ты бы ни меня не сшиб,
Ни смертью б сам столь жалкой
не погиб!»

—
Как ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

Мирская сходка

Какой порядок ни затей,
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

В овечьи старосты у Льва просился Волк.
Стараньем кумушки Лисицы,
Словцо о нём замолвлено у Львицы.
Но так как о Волках худой на свете толк,
И не сказали бы, что смотрит Лев на лица,
То велено звериный весь народ
Созвать на общий сход,
И расспросить того, другого,
Что в Волке доброго он знает иль худого.
Исполнен и приказ: все звери созваны.
На сходке голоса чин-чином собраны:
Но против Волка нет ни слова,
И Волка велено в овчарню посадить.
Да что же Овцы говорили?
На сходке ведь они уж, верно, были? —
Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
А их-то бы всего нужней спросить.

Демьянова уха

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Ещё тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» —
«Я три тарелки съел». — «И, полно, что за счёты:
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарём подёрнулась она.
Потешь же, миленький дружочек!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед-Демьян соседа-Фоку
И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.
Однако же ещё тарелку он берёт:
Сбирается с последней силой
И – очищает всю. «Вот друга я люблю!»
Вскричал Демьян: «зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

—
Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь:
Но если помолчать во время не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь:
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

Мышь и Крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву?»
Вбежавши, Крысе Мышь сказала: —
«Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!» —
«Не радуйся, мой свет»,
Ей Крыса говорит в ответ:
«И не надейся попустому!
Коль до когтей у них дойдёт,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

—
Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

Чиж и Голубь

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль», говорит: «среди бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Конь

У ездока, наездника лихого,
Был Конь,
Какого
И в табунах степных на редкость поискать:
Какая стать!
И рост, и красота, и сила!
Так щедро всем его природа наградила...
Как он прекрасен был с наездником в боях!
Как смело в пропасть шёл и выносил в горах.
Но, с смертью ездока, достался Конь другому
Наезднику, да на беду – плохому.
Тот приказал его в конюшню свести
И там, на привязи, давать и пить, и есть;
А за усердие и службу удалую
Век не снимать с него уздечку золотую...
Вот годы целые без дела Конь стоит,
(Хозяин на него любуется, глядит,
А сесть боится,
Чтоб не свалиться.
И стал наш Конь в летах,
Потух огонь в глазах,
И спал он с тела:
И как вскормленному в боях
Не похудеть без дела!
Коня всем жаль: и конюхи плохие,
Да и наездники лихие
Между собою говорят:
«Ну, кто б Коню такому был не рад,
Кабы другому он достался?»
В том и хозяин сознавался,
Да для него ведь та беда.
Что Конь в возу не ходит никогда.

—
И вправду: есть Кони, уж от природы
Такой породы,
Скорей его убьёшь,
Чем запряжёшь.

Медведь у пчёл

Когда-то, о весне, зверями
В надсмотрщики Медведь был выбран
над ульями,
Хоть можно б выбрать тут другого поверней
Затем, что к мёду Мишка падох,
Так не было б оглядок;
Да, спрашивай ты толку у зверей!
Кто к ульям ни просился,
С отказом отпустили всех,
И, как на-смех,
Тут Мишка очутился.
Ан вышел грех:
Мой Мишка потаскал весь мёд в свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По форме нарядили суд,
Отставку Мишке дали
И приказали,
Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
Решили, справили, скрепили;
Но мёду всё не воротили.
А Мишенька и ухом не ведёт:
Со светом Мишка распрощался,
В берлогу тёплую забрался
И лапу с мёдом там сосёт,
Да у моря погоды ждёт.

Зеркало и обезьяна

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка», говорит: «кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у неё ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на неё хоть чуть была похожа.
А, ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесать». —
«Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на-руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

Комар и Пастух

Пастух под тенью спал, надеясь на псов,
Приметя то, змея из-под кустов
Ползёт к нему, вон высунувши жало;
И Пастуха на свете бы не стало:
Но сжался над ним, Комар, что было сил,
Сонливца укусил.
Проснувшись, Пастух змею убил;
Но прежде Комара спросонья так хватил,
Что бедного его как не бывало.

Таких примеров есть немало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добром,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же с ним случится,
Что с Комаром.

Крестьянин и смерть

Набрав валежнику порой холодной, зимной,
Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
Тащился медленно к своей лачужке дымной,
Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров.
Нёс, нёс он их и утомился,
Остановился,
На землю с плеч спустил дрова долой,
Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:
«Куда я беден, боже мой!
Нуждаюсь во всём; к тому ж жена и дети,
А там подушное, боярщина, оброк...
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денёк?»
В таком унынии, на свой пеняя рок,
Зовёт он смерть: она у нас не за горами,
А за плечами:
Явилась вмиг
И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»
Увидевши её свирепую осанку,
Едва промолвить мог бедняк, оторопев:
«Я звал тебя, коль не во гнев,
Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

—
Из басни сей
Нам видеть можно,
Что как бывает жить ни тошно,
А умирать ещё тошней.

Рыцарь

Какой-то Рыцарь встарину,
Задумавши искать великих приключений, —
Собрался на войну
Противу колдунов и против привидений;
Вздел латы и велел к крыльцу подвезть коня.
Но прежде, нежели в седло садиться,
Он долгом счёл к коню с сей речью обратиться:
«Послушай, ретивой и верный конь, меня:
Ступай через поля, чрез горы, чрез дубравы,
Куда глаза твои глядят,
Как рыцарски законы нам велят,
И путь отыскивай в храм славы!
Когда ж Карачунов я злобных усмирю,
В супружество княжну китайскую добуду
И царства два, три покорю:
Тогда трудов твоих, мой друг, я не забуду;
С тобой всю славу разделю:
Конюшню, как дворец огромный,
Построить для тебя велю,
А летом отведу луга тебе поёмны;
Теперь знаком ты мало и с овсом,
Тогда ж пойдёт у нас обилие во всём:
Ячень твой будет корм, сыта медова – пойло».
Тут Рыцарь прыг в седло и бросил повода,
А лошадь молодца, не езда никуда,
Прямёхонько примчала в стойло.

Тень и человек

Шалун какой-то тень свою хотел поймать:
Он к ней, она вперёд; он шагу прибавлять,
Она туда ж; он, наконец, бежать:
Но чем он прытче, тем и тень скорей бежала,
Всё не даваясь, будто клад.
Вот мой чудак пустился вдруг назад;
Оглянется: а тень за ним уж гнаться стала.

—
Красавицы! слышал я много раз:
Вы думаете что? Нет, право, не про вас;
А что бывает то ж с фортуною у нас;
Иной лишь труд и время губит,
Стараяся настичь её из силы всей;
Другой как кажется, бежит совсем от ней:
Так нет, за тем она сама гоняться любит.

Крестьянин и Топор

Мужик, избу рубя, на свой Топор озлился;
Пошёл топор в-худых; Мужик взбесился:
Он сам нарубит вздор,
А виноват во всём Топор:
Бранить его, хоть как, Мужик найдёт причину.
«Негодный!» он кричит однажды: «с этих пор
Ты будешь у меня обтёсывать тычину,
А я, с моим уменьем и трудом,
Притом с досужестью моею,
Знай, без тебя пробавиться умею
И сделаю простым ножом, —
Чего другой не срубит топором». —
«Рубить, что мне велишь, моя такая доля»,
Смирненно отвечал Топор на окрик злой:
«И так, хозяин мой,
Твоя святая воля,
Готов тебе я всячески служить;
Да только ты смотри, чтоб после не тужить:
Меня ты попусту иступишь,
А всё ножом избы не срубишь».

Лев и Волк

Лев убирал за завтраком ягнёнка;
А собачонка,
Вертясь вокруг царского стола,
У Льва из-под когтей кусочек урвала;
И Царь зверей то снёс, не огорчась ни мало:
Она глупа ещё и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Лев, конечно, не силён,
Коль так смирён:
И лапу протянул к ягнёнку так же он.
Ан вышло с Волком худо:
Он сам ко Льву попал на блюдо.
Лев растерзал его, примолвя так: «Дружок,
Напрасно, смотря на собачку,
Ты вздумал, что тебе я так же дам потачку:
Она ещё глупа, а ты уж не щенок!»

Ворона

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рождён.
Простолюдин со знатью не роднися:
И если карлой сотворён,
То в великаны не тянися,
А помни свой ты чаще рост.

—
Утыкавши себе павлиным перьем хвост,
Ворона с Павами пошла гулять спесиво —
И думает, что на неё
Родня и прежние приятели её
Все заглядятся, как на диво;
Что Павам всем она сестра,
И что пришла её пора
Быть украшением Юнонина двора.
Какой же вышел плод её высокомерья?
Что Павами она ощирана кругом,
И что, бежав от них, едва не кувырком,
Не говоря уж о чужом,
На ней и своего осталось мало перья.
Она-было назад к своим; но те совсем
Заклёванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились её затеи тем,
Что от Ворон она отстала,
А к Павам не пристала.

—
Я эту басенку вам былью поясню.
Матрёне, дочери купецкой, мысль припала,
Чтоб в знатную войти родню.
Приданого за ней полмиллиона.
Вот выдали Матрёну за Барона.
Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
Попрёком, что она мещанкой родилась,
А старая за то, что к знатным приплелась:
И сделалась моя Матрёна
Ни Пава, ни Ворона.

Лиса-строитель

Какой-то Лев большой охотник был до кур;
Однако ж у него они водились худо:
Да это и не чудо!
К ним доступ был свободен чересчур.
Так их то крали,
То сами куры пропадали.
Чтоб этому помочь убытку и печали,
Построить вздумал Лев большой курятный двор,
И так его ухитить и уладить,
Чтобы воров совсем отвадить,
А курам было б в нём довольство и простор.
Вот Льву доносят, что Лисица
Большая строить мастерица —
И дело ей поручено,
С успехом начато и кончено оно:
Лисой к нему приложено
Всё, и старанье и уменье.
Смотрели, видели: строенье – загляденье!
А сверх того всё есть, чего ни спросишь тут:
Корм под носом, везде натыкано насесток,
От холоду и жару есть приют,
И укромные местечки для наседок.
Вся слава Лисаньке и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчас повеленье:
На новоселье кур не медля перевести.
Но есть ли польза в перемене?
Нет: кажется, и крепок двор,
И плотен и высок забор —
А кур час-от-часу всё мене.
Отколь беда, придумать не могли.
Но Лев велел стеречь. Кого ж подстерегли?
Тое ж Лису-злодейку.
Хоть правда, что она свела строенье так,
Чтобы не ворвался в него никто, никак,
Да только для себя оставила лазейку.

Волк и Кот

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
Всё это ведь за мной». – «Проси скорей Степана;
Мужик предобрый он», Кот-Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана». —
«Ну, попробайся ж у Демьяна». —
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унёс козлёнка». —
«Беги ж, вон там живет Трофим». —
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
Он на меня с весны грозит за ягнёнка!» —
«Ну, плохо ж! – Но авось тебя укроет Клим!» —
«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!» —
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил»,
Сказал тут Васька Волку:
«Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужиках не столько мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы, – сам себя вини:
Что ты посеял – то и жни».

Волк и Пастухи

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя, сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнѣхонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!»

Кукушка и Горлинка

Кукушка на суку печально куковала.
«Что, кумушка, ты так грустна?»
Ей с ветки ласково Голубка ворковала:
«Или о том, что миновала
У нас весна
И с ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что к зиме мы стали ближе?» —
«Как, бедной, мне не горевать?»
Кукушка говорит: «Будь ты сама судьёю:
Любила счастливо я нынешней весною,
И, наконец, я стала мать;
Но дети не хотят совсем меня и знать:
Такой ли чаяла от них я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,
Как увиваются вокруг матери утяты,
Как сыплют к курице дождём по зву цыпляты:
А я, как сирота, одним-одна сижу,
И что есть детская приветливость – не знаю». —
«Бедняжка! о тебе сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь детей могла убить,
Хотя пример такой не редок;
Скажи ж – так-стало, ты уж вывела и деток?
Когда же ты гнездо успела свить?
Я этого и не видала:
Ты всё порхала, да летала». —
«Вот вздор, чтоб столько красных дней
В гнезде я, сидя, растеряла:
Уж это было бы всего глупей!
Я яйца всегда в чужие гнёзды клала». —
«Какой же хочешь ты и ласки от детей?»
Ей Горлинка на то сказала.

—
Отцы и матери! вам басни сей урок.
Я рассказал её не детям в извиненье:
К родителям в них непочтенье
И нелюбовь – всегда порок;
Но если выросли они в разлуке с вами,
И вы их вверили наёмничьим рукам:
Не вы ли виноваты сами,
Что в старости от них утехи мало вам?

Гребень

Дитяти маменька расчёсывать головку
Купила частый Гребешок.
Не выпускает вон дитя из рук обновку:
Играет иль твердит из азбуки урок;
Свои всё кудри золотые,
Волнистые, барашком завитые
И мягкие, как тонкий лён,
Любуясь, Гребешком расчёсывает он.
И что за Гребешок? Не только не теребит,
Нигде он даже не зацепит:
Так плавлен, гладок в волосах.
Нет Гребню и цены у мальчика в глазах.
Случись, однако же, что Гребень затерялся.
Зарезвился мой мальчик, заигрался,
Всклокотил волосы копной.
Лишь няня к волосам, дитя подымет вой:
«Где Гребень мой?»
И Гребень отыскался,
Да только в голове ни взад он, ни вперёд:
Лишь волосы до слёз дерёт.
«Какой ты злой, Гребнишка!»
Кричит мальчишка.
А Гребень говорит: «Мой друг, всё тот же я;
Да голова всклокочена твоя».
Однако ж мальчик мой, от злости и досады,
Закинул Гребень свой в реку:
Теперь им чешутся Наяды.

Видал я на своём веку,
Что так же с правдой поступают.
Поколе совесть в нас чиста,
То правда нам мила и правда нам свята,
Её и слушают, и принимают:
Но только стал кривить душой,
То правду дале от ушей.
И всякий, как дитя, чесать волос не хочет,
Когда их склочет.

Скупой и Курица

Скупой теряет всё, желая всё достать.
Чтоб долго мне примеров не искать,
Хоть есть и много их, я в том уверен;
Да рыться лень: так я намерен
Вам басню старую сказать.

—
Вот что в ребячестве читал я про Скупого.
Был человек, который никакого
Не знал ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнели очевидно.
Он Курицу имел (как это не завидно!),
Котора яйца несла,
Но не простые,
А золотые.
Иной бы и тому был рад,
Что понемногу он становится богат;
Но этого Скупому мало,
Ему на мысли вспало,
Что, взрезав Курицу, он в ней достанет клад.
И так, забыв её к себе благодаянье,
Неблагодарности не побоясь греха,
Её зарезал он. И что же? В воздаянье
Он вынул из неё простые потроха.

Две Бочки

Две Бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая – себе без шуму и шажком
Плетётся,
Другая вскачь несётся;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху жмётся,
Её заслышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой, велика.

—
Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку,
Кто делов истинно, – тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.

Мальчик и Змея

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил Змею и, воззрившись, от страха
Стал бледен, как его рубаха.
Змея, на Мальчика спокойно посмотря,
«Послушай», говорит: «коль ты умней не будешь,
То дерзость не всегда легко тебе пройдёт.
На сей раз бог простит; но берегись вперёд,
И знай, с кем шутишь!»

Пловец и Море

На берег выброшен кипящею волной,
Пловец с усталости в сон крепкий погрузился;
Потом, проснувшись, он Море клясть пустился.
«Ты», говорит: «всему виной!
Своей лукавой тишиной.
Маня к себе, ты нас прельщаешь
И, заманя, нас в безднах поглощаешь».
Тут Море, на себя взяв Амфитриды вид,
Пловцу, являясь, говорит:
«На что винишь меня напрасно!
Плыть по водам моим ни страшно, ни опасно;
Когда ж свирепствуют морские глубины,
Виной тому одни Эоловы сыны:
Они мне не дают покою.
Когда не веришь мне, то испытай собою:
Как ветры будут спать, отправь ты корабли,
Я неподвижнее тогда земли».

—
И я скажу совет хорош, не ложно;
Да плыть на парусах без ветру невозможно.

Осёл и Мужик

Мужик на лето в огород
Наняв Осла, приставил
Ворон и воробьёв гонять нахальный род.
Осёл был самых честных правил:
Ни с хищностью, ни с кражей незнаком:
Не поживился он хозяйским ни листком,
И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
Но Мужику барыш был с огорода плох.
Осёл, гоняя птиц, со всех ослиных ног,
По всем грядам и вдоль и поперёг,
Такую поднял скачку,
Что в огороде всё примял и притоптал.
Увидя тут, что труд его пропал,
Крестьянин на спине ослиной
Убыток выместил дубиной.
«И ништо!» все кричат: «скотине поделом!
С его ль умом
За это дело браться?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;
Он, точно, виноват (с ним сделан и расчёт),
Но, кажется, не прав и тот,
Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

Волк и Журавль

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
За то на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот, кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь!» зверь вскричал коварный:
«Тебе за труд? Ах, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унёс!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперёд ты мне не попадайся».

Пчела и Мухи

Две Мухи собрались лететь в чужие края,
И стали подзывать с собой туда Пчелу:
Им насажали попугаи
О дальних сторонах большую похвалу.
Притом же им самим казалось обидно,
Что их, на родине своей,
Везде гоняют из гостей;
И даже до чего (как людям то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтоб поживиться им не дать сластями
За пышными столами,
Придумали от них стеклянны колпаки;
А в хижинах на них злодеи пауки.
«Путь добрый вам», Пчела на это отвечала:
«А мне
И на моей приятно стороне.
От всех за соты я любовь себе сыскала —
От поселян и до вельмож.
Но вы летите,
Куда хотите!
Везде вам будет счастье то ж:
Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны,
А рады пауки лишь будут вам
И там».

—
Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишён,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданин, там мене презрен он,
И никому его там праздность не досадна.

Муравей

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верной)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался
И даже хаживал один на паука.
А тем вошёл в такую славу
Он в муравейнике своём,
Что только и речей там было, что о нём.
Я лишние хвалы считаю за отраву;
Но этот Муравей был не такого нраву:
Он их любил,
Своим их чванством мерил
И всем им верил:
А ими, наконец, так голову набил,
Что вздумал в город показаться,
Чтоб силой там повеличаться.
На самый крупный с сеном воз
Он к мужику спесиво вполз
И въехал в город очень пышно;
Но, ах, какой для гордости удар!
Он думал, на него сбежится весь базар,
Как на пожар;
А про него совсем не слышно:
У всякого забота там своя.
Мой Муравей, то взяв листок, потянет,
То припадёт он, то привстанет:
Никто не видит Муравья.
Уставши, наконец, тянуться, выправляться,
С досадою Барбосу он сказал,
Который у воза хозяйского лежал:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что в городе у вас
Народ без толку и без глаз?
Возможно ль, что меня никто не примечает,
Как ни тянусь я целый час;
А, кажется, у нас
Меня весь муравейник знает».
И со стыдом отправился домой.

—
Так думает иной
Затейник,
Что он в подсолнечной гремит.

А он – дивит
Свой только муравейник¹.

¹ *Заключительное правоучение первоначально – читалось:* Так, дворянин или чиновник там иной В уезде у себя и важен, и завиден. И всех он там знатней, И всех славней, И всех умней, В столицу ж приезжай – как этот муравей, Чуть-чуть он будет виден.

Пастух и Море

Пастух в Нептуновом соседстве близко жил:
На взморье, хижины уютной обитатель,
Он стада малого был мирный обладатель
И век спокойно проводил.
Не знал он пышности, зато не знал и горя,
И долго участью своей
Довольней, может быть, он многих был царей.
Но, видя всякий раз, как с Моря
Сокровища несут горами корабли,
Как выгружаются богатые товары
И ломаются от них анбары,
И как хозяева их в пышности цвели,
Пастух на то прельстился;
Распродав стадо, дом, товаров накупил,
Сел на корабль – и за Море пустился.
Однако же поход его не долгов был;
Обманчивость, Морям природну,
Он скоро испытал: лишь берег вон из глаз,
Как буря поднялась;
Корабль разбит, пошли товары ко дну,
И он насилу спасся сам.
Теперь опять, благодаря Морям,
Пошёл он в пастухи, лишь с разницею тою,
Что прежде пас овец своих,
Теперь пасёт овец чужих
Из платы. С нуждою, однако ж, хоть большою,
Чего не сделаешь терпеньем и трудом?
Не спив того, не съев другова,
Скопил деньжонок он, завёлся стадом снова,
И стал опять своих овечек пастухом.
Вот, некогда, на берегу морском,
При стаде он своём
В день ясный сидя
И видя,
Что на Море едва колышется вода
(Так Море присмирело),
И плавно с пристани бегут по ней суда:
«Мой друг!» сказал: «опять ты денег захотело,
Но ежели моих – пустое дело!
Ищи кого иного ты проведь,
От нас тебе была уж честь.
Посмотрим, как других заманишь,
А от меня вперёд копейки не достанешь».

Баснь эту лишним я почёл бы толковать;

Но как здесь к слову не сказать,
Что лучше верного держаться,
Чем за обманчивой надеждою гоняться?
Найдётся тысячу несчастных от неё
На одного, кто не был ей обманут,
А мне, чтоб говорить ни станут,
Я буду всё твердить своё:
Что впереди – бог весть; а что моё – моё!

Крестьянин и Змея

К Крестьянину вползла Змея
И говорит: «Сосед! начнём жить дружно!
Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
Ты видишь, что совсем другая стала я
И кожу нынешней весной переменила».
Однако ж Мужика Змея не убедила.
Мужик схватил обух
И говорит: «Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя всё то же».
И вышиб из соседки дух.

Когда извериться в себе ты дашь причину,
Как хочешь, ты меняй личину:
Себя под нею не спасёшь,
И что с Змейей, с тобой случиться может то ж.

Лисица и виноград

Голодная кума-Лиса залезла в сад;
В нём винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные, как яхонты горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдёт,
Хоть видит око,
Да зуб неймёт.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьёшь».

Овцы и Собаки

В каком-то стаде у Овец,
Чтоб Волки не могли их более тревожить,
Положено число Собак умножить.
Что ж? Развелось их столько наконец,
Что Овцы от Волков, то правда, уцелели,
Но и Собакам надо ж есть;
Сперва с Овечек сняли шерсть,
А там, по жеребью, с них шкурки полетели,
А там осталось всего Овец пять-шесть,
И тех Собаки съели.

Колос

На ниве, зыблемый погодой, Колосок,
Увидя за стеклом в теплице
И в неге, и в добре взлелеянный цветок,
Меж тем, как он и мошек веренице,
И бурям, и жарам, и холоду открыт,
Хозяину с досадой говорит:
«За что вы, люди, так всегда несправедливы,
Что кто умеет ваш утешить вкус иль глаз,
Тому ни в чём отказа нет у вас;
А кто полезен вам, к тому вы нерадивы?
Не главный ли доход твой с нивы:
А посмотри, в какой небрежности она!
С тех пор, как бросил ты здесь в землю семена,
Укрыл ли под стеклом когда нас от ненастья?
Велел ли нас полоть иль согреть
И приходил ли нас в засуху поливать?
Нет: мы совсем расти оставлены на счастье
Тогда, как у тебя цветы, —
Которыми ни сыт, ни богатеешь ты,
Не так, как мы, закинуты здесь в поле, —
За стёклами растут в приюте, в неге, в холе
Что если бы о нас ты столько клал забот?
Ведь в будущий бы год
Ты собрал бы сам-сот,
И с хлебом караван отправил бы в столицу.
Подумай, выстрой-ка пошире нам теплицу», —
«Мой друг», хозяин отвечал:
«Я вижу, ты моих трудов не примечал.
Поверь, что главные мои о вас заботы.
Когда б ты знал, какой мне стоило работы
Расчистить лес, удобрить землю вам:
И не было конца моим трудам.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нет.
Дождя ж и ветру ты проси себе у неба;
А если б умный твой исполнил я совет,
То был бы без цветов и был бы я без хлеба».

—
Так часто добрый селянин,
Простой солдат иль гражданин,
Кой с кем своё сличая состоянье,
Приходят иногда в роптанье.
Им можно то ж почти сказать и в оправданье.

Похороны

В Египте встарину велось обыкновенье,
Когда кого хотят пышнее хоронить,
Наёмных плакальщиц пускать за гробом выть.
Вот, некогда, на знатном погребень,
Толпа сих плакальщиц, поднявши вой,
Покойника от жизни скоротечной
В дом провожала вечной
На упокой.
Тут странник, думая, что в горести сердечной
То рвётся вся покойника родня,
«Скажите», говорит: «не рады ли б вы были,
Когда б его вам воскресили?
Я Маг; на это есть возможность у меня:
Мы заклинания с собой такие носим —
Покойник оживёт сейчас». —
«Отец!» вскричали все: «обрадуй бедных нас!
Одной лишь милости притом мы просим,
Чтоб суток через пять
Он умер бы опять.
В живом в нём не было здесь проку никакова,
Да вряд ли будет и вперёд;
А как умрёт,
То выть по нём наймут нас, верно, снова».

—
Есть много богачей, которых смерть одна
К чему-нибудь годна.

Трудолюбивый Медведь

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошёл по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березняка и вязу
Мой Мишка погубил несметное число,
А не даётся ремесло.
Вот идет к мужику он попросить совета
И говорит: «Сосед, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнул ни одного в дугу.
Скажи, в чём есть тут главное уменье?» —
«В том», отвечал сосед:
«Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

Два мальчика

«Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов,
Опять нас не погнали в класс,
Пойдём-ка да нарвём в саду себе каштанов!» —
«Нет, Федя, те каштаны не про нас!
Ты знаешь ведь, как дерево высоко:
Тебе, ни мне туда не влезть,
И нам каштанов тех не есть!» —
«И, милый, да на что ж догадка!
Где силой взять нельзя, там надобна ухватка.
Я всё придумал: погоди!
На ближний сук меня лишь подсади.
А там мы сами умудримся —
И досыта каштанов наедемся».
Вот к дереву друзья со всех несутся ног.
Тут Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтел, весь потом обливался,
И Феде, наконец, вскарабкаться помог.
Взобрался Федя на приволье:
Как мышке в закроме, вверху ему раздолье!
Каштанов там не только всех не съесть, —
Не перечеть!
Найдётся чем и поживиться,
И с другом поделиться.
Что ж! Сене от того прибыток вышел мал:
Он, бедный, на низу облизывал лишь губки;
Федюша сам вверху каштаны убирал,
А другу с дерева бросал одни скорлупки.

—
Видал Федюш на свете я, —
Которым их друзья
Вскарабкаться наверх усердно помогали,
А после уж от них – скорлупки не видали!

Пастух

У Саввы, Пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.
Наш молодец
В кручине и печали:
Всем плачется и распускает толк,
Что страшный показался волк,
Что начал он овец таскать из стада
И беспощадно их дерёт.
«И не диковина», твердит народ:
«Какая от волков овцам пощада!»
Вот волка стали стеречи.
Но отчего ж у Саввушки в печи
То щи с бараниной, то бок бараний с кашей?
(Из поварёнок, за грехи,
В деревню он был сослан в пастухи:
Так кухня у него немножко схожа с нашей.)
За волком поиски; клянёт его весь свет;
Обшарили весь лес – а волка следу нет.
Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава,
А ест овец-то – Савва.

Совет Мышей

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
И, несмотря на кошек и котов,
Свести с ума всех ключниц, поваров,
И славу о своих делах трубить заставить
От погребов до чердаков;
А для того Совет назначено составить,
В котором заседать лишь тем, у коих хвост
Длиной во весь их рост:
Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
Всегда умнее
И расторопнее везде.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
Притом же об уме мы сами часто судим
По платью, иль по бороде.
Лишь нужно знать, что с общего сужденья
Всё длиннохвостых брать назначено в Совет;
У коих же хвоста к несчастью нет,
Хотя б лишились их они среди сраженья,
Но так как это знак иль неуменья,
Иль нераденья,
Таких в Совет не принимать,
Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
Всё дело слажено; повешено собранье,
Как ночь настанет на дворе;
И, наконец, в мушном ларе
Открыто заседание.
Но лишь позаняли места,
Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.
Приметя то, седую Мышь толкает
Мышонок молодой
И говорит: «Какой судьбой
Бесхвостая здесь с нами заседает?
И где же делся наш закон?
Дай голос, чтоб её скорее выслать вон.
Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
И можно ль, чтоб она полезна нам была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только нас, подполицу всю губит».
А Мышь в ответ: «Молчи! всё знаю я сама;
Да эта крыса мне кума».

Мельник

У Мельника вода плотину прососала;
Беда б не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить;
А течь день-ото-дня сильнее становится:
Вода так бьёт, как из ведра.
«Эй, Мельник, не зевай! Пора,
Пора тебе за ум хватиться!»
А Мельник говорит: «Далёко до беды,
Не море надо мне воды,
И ею мельница по весь мой век богата».
Он спит, а между тем
Вода бежит, как из ушата.
И вот беда пришла совсем:
Стал жернов, мельница не служит.
Хватился Мельник мой: и охает, и тужит,
И думает, как воду уберечь.
Вот у плотины он, осматривая течь,
Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные!» кричит: «хохлатки, дуры!
Я и без вас воды не знаю где достать;
А вы пришли её здесь вдосталь допивать».
И в них поленом хватъ.
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошёл в своё подворье.

—
Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такою бережью диковинка ль, что дом
Скорёшенько пойдёт вверх дном?

Булыжник и Алмаз

Потерянный Алмаз валялся на пути;
Случилось, наконец, купцу его найти.
Он от купца
Царю представлен,
Им куплен, в золоте оправлен,
И украшением стал царского венца.
Узнав про то, Булыжник развозился,
Блестящею судьбой Алмаза он прельстился
И, видя мужика, его он просит так:
«Пожалуйста, земляк,
Возьми меня в столицу ты с собою!
За что здесь под дождём и в слякоти я ною?
А наш Алмаз в чести, как говорят.
Не понимаю я, за что он в знать попался?
Со мною сколько лет здесь рядом он валялся;
Такой же камень он, и мне набитый брат.
Возьми ж меня. Как знать? Коль там я покажуся,
То также, может быть, на дело пригожуся».
Взял камень мужичок на свой тяжёлый воз,
И в город он его привёз.
Ввалился камень мой и думает, что разом
Засядет рядом он с Алмазом;
Но вышел для него случай совсем иной:
Он точно в дело взят, но взят для мостовой.

Мальчик и Червяк

Не лстись предательством ты счастье сыскать!
У самых тех всегда в глазах предатель низок,
Кто при нужде его не ставит в грех ласкать;
И первый завсегда к беде предатель близок.

—
Крестьянина Червяк просил его пустить
В свой сад на лето погостить.
Он обещал вести себя там честно,
Не трогая плодов, листочки лишь глодать,
И то, которые уж станут увядать.
Крестьянин судит: «Как пристанища не дать?
Ужли от Червяка в саду мне будет тесно?
Пускай его себе живёт.
Притом же важного убытку быть не может,
Коль он листочка два-три сгложет».
Позволил: и Червяк на дерево ползёт;
Нашёл под веточкой приют от непогод:
Живёт без нужды, хоть не пышно,
И про него совсем не слышно.
Меж тем уж золотит плоды лучистый Царь,
Вот в самом том саду, где также спеть всё стало,
Наливное, сквозное, как янтарь,
При солнце яблоко на ветке дозревало.
Мальчишка был давно тем яблоком пленён:
Из тысячи других его заметил он:
Да доступ к яблоку мудрён.
На яблоню Мальчишка лезть не смеет,
Её потрянуть он силы не имеет
И, словом, яблоко достать не знает как.
Кто ж в краже Мальчику помочь взялся? Червяк.
«Послушай», говорит: «я знаю это, точно
Хозяин яблоки велел снимать;
Так это яблоко обоим нам непрочно;
Однако ж я берусь его достать,
Лишь поделись со мной. Себе ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро боле;
А мне и самой малой доли
На целый станет век глодать».
Условье сделано: Мальчишка согласился;
Червяк на яблоню – и работать пустился;
Он яблоко в минуту подточил.
Но что ж в награду получил?
Лишь только яблоко упало,
И с семечками съел его Мальчишка мой;
А как за долей сполз Червяк долой,

То Мальчик Червяка расплющил под пятой:
И так ни Червяка, ни яблока не стало.

Свинья под Дубом

Свинья под Дубом вековым
Наелась жёлудей до-сыта, до-отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит»,
Ей с Дубу ворон говорит:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
«Пусть сохнет», говорит Свинья:
«Ничуть меня то не тревожит;
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная!» примолвил Дуб ей тут:
«Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

—
Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Ягнёнок

Как часто я слышал такое рассуждение:
«По мне пускай что хочешь говорят,
Лишь был бы я в душе не виноват!»
Нет; надобно ещё уменье,
Коль хочешь в людях ты себя не погубить
И доброю наружностью сохранить.
Красавицы! вам знать всего нужнее,
Что слава добрая вам лучше всех прикрас,
И что она у вас
Весеннего цветка нежнее.
Как часто и душа и совесть в вас чиста,
Но лишний взгляд, словцо, одна неосторожность,
Язвить злословью вас даёт возможность —
И ваша слава уж не та.
Ужели не глядеть? Ужель не улыбаться:
Не то я говорю; но только всякий шаг
Вы свой должны обдумать так,
Чтоб было не к чему злословью и придраться.

—
Анюточка, мой друг!
Я для тебя и для твоих подруг
Придумал басенку. Пока ещё ребёнком,
Ты вытверди её; не ныне, так вперёд
С неё сберёшь ты плод.
Послушай, что случилось с Ягнёнком.
Поставь свою ты куклу в уголок:
Рассказ мой будет короток.
Ягнёнок сдуру,
Надевши волчью шкуру,
Пошёл по стаду в ней гулять:
Ягнёнок лишь хотел пощеголять;
Но псы, увидевши повесу,
Подумали, что волк пришёл из лесу,
Вскочили, кинулись к нему, свалили с ног
И, прежде нежели опомниться он мог,
Чуть по клочкам его не расхватили.
По счастью, пастухи, узнав, его отбили,
Но побывать у псов не шутка на зубах:
Бедняжка от такой тревоги
Насилу доволоч в овчарню ноги;
А там он стал хиреть, потом совсем зачах
И простонал весь век свой без-умолка.
А если бы Ягнёнок был умён:
И мысли бы боялся он
Похожим быть на волка.

Котёл и Горшок

Горшок с Котлом большую дружбу свёл,
Хотя и познатней породю Котёл,
Но в дружбе что за счёт? Котёл горой за свата;
Горшок с Котлом за-панибрата;
Друг без друга они не могут быть никак;
С утра до вечера друг с другом неразлучно;
И у огня им порознь скучно;
И, словом, вместе всякий шаг,
И с очага и на очаг.
Вот вздумалось Котлу по свету прокатиться,
И друга он с собой зовёт;
Горшок наш от Котла никак не отстаёт
И вместе на одну телегу с ним садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются в телеге меж собой.
Где горки, рытвины, ухабы —
Котлу безделица; Горшки натурой слабы:
От каждого толчка Горшку большой наклад;
Однако ж он не думает назад,
И глиняный Горшок тому лишь рад,
Что он с Котлом чугунным так сдружился.
Как странствия их были далеки,
Не знаю; но о том я точно известился.
Что цел домой Котёл с дороги воротился,
А от Горшка одни остались черепки.

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство в любви и дружбе вещь святая.

Пёстрые овцы

Лев пёстрых не взлюбил овец.
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправомерно —
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пёструю овцу терпенья нет!
Как сбыть их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовёт
Медведя он с Лисою на совет —
И им за тайну открывает,
Что, видя пёструю овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает,
И что придёт ему совсем лишиться глаз,
И, как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный Лев!» – сказал, насупяся,
Медведь:
«На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: «О, царь! наш добрый царь!
Ты верно запретишь гнать эту бедну тварь —
И не прольёшь невинной крови.
Осмелюсь я совет иной произнести:
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток
И где бы поскакать, побегать для ягнят;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи овец волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдаётся,
Что род их сам собой переведётся.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И что б ни сделалось, ты будешь в стороне».
Лисицы мнение в совете силу взяло,—
И так удачно в ход пошло, что, наконец,
Не только пёстрых там овец —
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки?—
Что Лев бы и хорош, да все злодеи волки.

Котёнок и Скворец

В каком-то доме был Скворец,
Плохой певец;
Зато уж философ презнатный,
И свёл с Котёнком дружбу он.
Котёнок был уж котик презрядный,
Но тих и вежлив, и смирён.
Вот как-то был в столе Котёнок обделён.
Бедняжку голод мучит:
Задумчив бродит он, скучаючи постом;
Поводит ласково хвостом
И жалобно мяучит.
А философ Котёнка учит —
И говорит ему: «Мой друг, ты очень прост,
Что терпишь добровольно пост;
А в клетке над носом твоим висит щеглёнок:
Я вижу ты прямой Котёнок».
«Но совесть...» – «Как ты мало знаешь свет!
Поверь, что это сущий бред,
И слабых душ одни лишь предрассудки,
А для больших умов – пустые только шутки!
На свете кто силён,
Тот делать всё волён.
Вот доказательства тебе и вот примеры».
Тут, выведя их на свои манеры,
Он философию всю вычерпал до дна.
Котёнку натошак понравилась она:
Он вытащил и съел щеглёнка.
Разлакомил кусок такой Котёнка,
Хотя им голода он утолить не мог.
Однако же второй урок
С большим успехом слушал
И говорит Скворцу: «Спасибо, милый кум!
Наставил ты меня на ум».
И, клетку разломав, учителя он скушал.

Две собаки

Дворовый, верный пёс
Барбос,
Который барскую усердно службу нёс,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он, с умиленья чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну, что́, Жужутка, как живёшь,
С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь, помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несёшь?»
«На счастье грех роптать», Жужутка отвечает:
«Мой господин во мне души не чаёт;
Живу в довольстве и добре,
И ем, и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живёшь?» – «Я», отвечал Барбос,
Хвост плетью опустил и свой повесил нос:
«Живу по-прежнему: терплю и холод,
И голод,
И, берегаючи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну под дождём;
А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем, как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» – «Чем служишь!
Вот прекрасно!»
С насмешкой отвечал Жужу:
«На задних лапках я хожу».

—
Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

Кошка и соловей

Поймала кошка Соловья,
В бедняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя везде за песни славят
И с лучшими певцами рядом ставят.
Мне говорит лиса-кума,
Что голос у тебя так звонок и чудесен,
Что от твоих прелестных песен
Все пастухи, пастушки – без ума.
Хотела б очень я, сама,
Тебя послушать.
Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
И отпущу гулять по рощам и лесам.
В любви я к музыке тебе не уступаю
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Меж тем мой бедный Соловей
Едва-едва дышал в когтях у ней.
«Ну, что же?» продолжает Кошка:
«Пропой, дружок, хотя немножко».
Но наш певец не пел, а только-что пищал.
«Так этим-то леса ты восхищал!»
С насмешкою она спросила:
«Где ж эта чистота и сила,
О коих все без-умолку твердят?
Мне скучен писк такой и от моих котят.
Нет, вижу, что в пенье ты вовсе не искусен:
Всё без начала, без конца,
Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен:
И съела бедного певца —
До крошки.

—
Сказать ли на ушко, яснее, мысль мою?
Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

Рыбья пляска

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонёк,
Наудя рыб, изжарить их собирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» спросил сердито Лев.
«Всесильный царь!» сказал Мужик, оторопев,
«Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом». —
«Ну, как они живут? Богат ли здешний край?» —
«Великий государь! Здесь не житьё им – рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились». —
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же», Лев спросил: «скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?» —
«О, мудрый царь!» Мужик отвечивал: «оне
От радости, тебя увидя, пляшут». —
Тут, старосту лизнув Лев милостливо в грудь,
Ещё изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

Прихожанин

Есть люди: будь лишь им приятель,
То первый ты у них и гений, и писатель,
Зато уже другой,
Как хочешь сладко пой.
Не только, чтоб от них похвал себе дожидаться,
В нём красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, может быть, я тем немного досажу,
Но вместо басни был бы на это им скажу.

—
Во храме проповедник
(Он в красноречии Платона был наследник)
Прихожан поучал на добрые дела.
Речь сладкая, как мёд, из уст его текла.
В ней правда чистая, казалось, без искусства,
Как цепью золотой,
Возьмемля к небесам все помыслы и чувства,
Сей обличала мир, исполненный тщетой.
Душ пастырь кончил поученье:
Но всяк ему ещё внимал и, до небес
Восхищенный, в сердечном умиленьи
Не чувствовал своих текущих слез.
Когда ж из божьего миряне вышли дому,
«Какой приятный дар!»
Из слушателей тут сказал один другому:
«Какая сладость, жар!
Как сильно он влечёт к добру сердца народа!
А у тебя, сосед, знать, чёрствая природа,
Что на тебе слезинки не видать?
Иль ты не понимал?» – «Ну, как не понимать!
Да плакать мне какая стать:
Ведь я не здешнего прихода».

Крестьянин и Лошадь

Крестьянин засеивал овёс;
То видя, Лошадь молодая
Так про себя ворчала, рассуждая:
«За делом столько он овса сюда принёс!
Вот, говорят, что люди нас умнее:
Что может быть безумней и смешнее,
Как поле целое изрыть,
Чтоб после рассорить
На нём овёс свой попустому?
Стравил бы он его иль мне, или гнедому;
Хоть курам бы его он вздумал разбросать
Всё было б более похоже то на стать;
Хоть спрятал бы его: я видела б в том скупость;
А попусту бросать! Нет, это просто глупость».
Вот к осени, меж тем, овёс тот убран был,
И наш Крестьянин им того ж Коня кормил.

Читатель! Верно, нет сомненья,
Что не одобришь ты конёва рассужденья;
Но с самой древности, в наш даже век,
Не так ли дерзко человек
О воле судит Провиденья,
В безумной слепоте своей,
Не ведая его ни цели, ни путей?

Белка

У Льва служила Белка,
Не знаю, как и чем; но дело только в том,
Что служба Белкина угодна перед Львом;
А угодить на Льва, конечно, не безделка.
За то обещан ей орехов целый воз.
Обещан – между тем всё время улетает;
А Белочка моя нередко голодает
И скалит перед Львом зубки свои сквозь слёз.
Посмотрит: по лесу то там, то сям мелькают
Её подружки в вышине;
Она лишь глазками моргает, а оне
Орешки, знай себе, щелкают да щелкают.
Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
Глядит – нельзя никак:
На службу Льву её то кличут, то толкают.
Вот Белка, наконец, уж стала и стара
И Льву наскучила: в отставку ей пора.
Отставку Белке дали,
И точно, целый воз орехов ей прислали.
Орехи славные, каких не видел свет;
Все на-отбор: орех к ореху – чудо!
Одно лишь только худо —
Давно зубов у Белки нет.

Кукушка и Орёл

Орёл пожаловал Кукушку в Соловьи.
Кукушка, в новом чине,
Усевшись важно на осине,
Таланты в музыке свои
Выказывать пустилась;
Глядит – все прочь летят,
Одни смеются ей, а те её бранят.
Моя Кукушка огорчилась
И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.
«Помилуй!» говорит: «по твоему велению
Я Соловьём в лесу здесь названа;
А моему смеяться смеют пеню!» —
«Мой друг!» Орёл в ответ: «я царь, но я не бог.
Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.
Кукушку Соловьём честить я мог заставить;
Но сделать Соловьём Кукушку я не мог».

Белка

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хором,
Народ толпился.
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с берёзы ей дивился тоже Дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая», спросил тут Дрозд: «нельзя ли
Сказать, что делаешь ты здесь?» —
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевести».
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да», улетаю, Дрозд сказал: «то ясно мне,
Что ты бежишь – а всё на том же ты окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся все:
Он, кажется, из кожи рвётся,
Да только всё вперёд не подаётся,
Как Белка в колесе.

Мыши

«Сестрица! знаешь ли, беда!»
На корабле Мышь Мыши говорила:
«Ведь оказалась течь: внизу у нас вода
Чуть нехватила
До самого мне рыла».
(А правда, так она лишь лапки замочила.)
«И что диковинки – наш капитан
Или с похмелья, или пьян.
Матросы все – один ленивее другого;
Ну, словом, нет порядку никакого.
Сейчас кричала я во весь народ,
Что кб дну наш корабль идёт:
Куда! – Никто и ухом не ведёт,
Как будто б ложные я распускала вести;
А ясно – только в трюм лишь стоит заглянуть,
Что кораблю часа не дотянуть.
Сестрица! неужели нам гибнуть с ними вместе!
Пойдём же, кинемся, скорее, с корабля;
Авось не далеко земля!»
Тут в Океан мои затейницы спрыгнули
И – утонули;
А наш корабль, рукой искусною водим,
Достигнул пристани и цел, и невредим.

Теперь пойдут вопросы:
А что же капитан и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
В минуту унята;
А остальное – клевета.

Лиса

Зимой, ранёхонько, близ жи́ла,
Лиса у проруби пи́ла в большо́й мороз.
Меж тем, оплошность ли, судьба ль
(не в этом сила),
Но – кончик хвостика Лисица замочила,
И ко льду он примёрз.
Беда не велика, легко б её поправить:
Рвануться только посильней
И волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост?
А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать – ведь спит ещё народ;
А между тем, авось, и оттепель придёт,
Так хвост от проруби оттаёт.
Вот ждёт-пождёт, а хвост лишь боле примерзает.
Глядит – и день светает,
Народ шевелится, и слышны голоса.
Тут бедная моя Лиса
Туда-сюда метаться;
Но уж от проруби не может оторваться.
По счастью, Волк бежит. —
«Друг милый! кум! отец!»
Кричит Лиса: «спаси! Пришел совсем конец!»
Вот кум остановился —
И в спасенье Лисы вступился.
Приём его был очень прост:
Он начисто отгрыз ей хвост.
Тут, без хвоста, домой моя пустилась дура.
Уж рада, что на ней цела осталась шкура.

—
Мне кажется, что смысл не тёмн басни сей.
Щепотки волосков Лиса не пожалей —
Остался б хвост у ней.

Волки и Овцы

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
И до того, что, наконец,
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спасенье Овец, —
И учреждён Совет на сей конец.
Большая часть в нём, правда, были Волки;
Но не о всех Волках ведь злые толки.
Видали и таких Волков, и многократ;
Примеры эти не забыты, —
Которые ходили близко стад
Смирнёхонько – когда бывали сыты.
Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
Хоть надобно Овец оборонить,
Но и Волков не вовсе ж притеснить.
Вот заседание в глухом лесу открыли;
Судили, думали, рядили
И, наконец, придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро Волк у стада забуянит,
И обижать он Овцу станет,
То Волка тут властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и в суд тотчас представить,
В соседний лес иль в бор».
В законе нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видал: до этих пор —
Хоть говорят: Волкам и не спускают —
Что будь Овца ответчик иль истец:
А только Волки всё-таки Овец
В леса таскают.

Лисица и Осёл

«Отколе, умная, бредёшь ты, голова?»
Лисица, встретяся с Ослом, его спросила.—
«Сейчас лишь ото Льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,
И я, без памяти, бегом,
Куда глаза глядят, от этого уroda;
А ныне в старости и дряхл и хил,
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх,
И поплатился он старинными долгами!
Кто мимо Льва ни шёл, всяк вымещал ему
По-своему:
Кто зубом, кто рогами...»
«Но ты коснуться Льву, конечно, не дерзнул?»
Лиса Осла перерывает.
«Вот-на!» Осёл ей отвечает:
«А мне чего робеть? и я его лягнул:
Пускай ослиные копыта знает!»

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь с высоты:
От первых жди от них обиды и досады.

Лев и Мышь

У Льва просила Мышь смиренно позволения
Поблизости его в дупле завести селенье
И так примолвила: «Хотя-де здесь, в лесах,
Ты и могуч и славен;
Хоть в силе Льву никто не равен,
И рёв один его на всех наводит страх,
Но будущее кто угадывать возьмётся —
Как знать? кому в ком нужда доведётся?
И как я ни мала кажусь,
А, может быть, подчас тебе и пригожусь». —
«Ты!» вскрикнул Лев: «Ты, жалкое создание!
За эти дерзкие слова
Ты стоишь смерти в наказанье.
Прочь, прочь отсель, пока жива —
Иль твоего не будет праху».
Тут Мышка бедная, не вспомнясь от страху,
Со всех пустилась ног – простыл её и след.
Льву даром не прошла, однако ж, гордость эта:
Отправяся искать добычи на обед,
Попался он в тенета.
Вез пользы сила в нём, напрасен рёв и стон,
Как он ни рвался, ни метался,
Но всё добычею охотника остался,
И в клетке на-показ народу увезён.
Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,
Что бы помочь она ему сумела,
Что сеть бы от её зубов не уцелела,
И что его своя кичливость съела.

Читатель, – истину любя,
Примолвлю к басне я, и то не от себя —
Не попусту в народе говорится:
Не плюй в колодезь, пригодится
Воды напиться.

Кукушка и Петух

«Как, милый Петушок, поёшь ты громко,
важно!» —
«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всем лесу у нас такой певицы нет!» —
«Тебя, мой куманёк, век слушать я готова». —
«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,
Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берётся голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою не велички,
А песни, что твой соловей!» —
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поёшь ты лучше райской птички.
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, —
Всё ваша музыка плоха!..»

—
За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

Примечания и пояснения

Ворона и Лисица (с. 9)

Вещунына с похвал вскружилась голова... По народным понятиям, ворона была *вещей* птицей. Её карканье будто бы предрекало несчастья и беды. Считали, что, если вороны каркают, сбившись в стаю, быть ненастью. Но вороний крик считали и пустым. Отсюда распространённые насмешки над вороной. Собственной неудачи басенная ворона, поддавшись лести, не предугадала. Крылов имеет в виду именно ворону, а не ворона, который, по народным представлениям, «даром не каркнет».

Лягушка и Вол (с. 14)

В дородстве с ним сравняться – сравняться в тучности. Вариант: «Прибавилась ли я?»

Волк и Ягнёнок (с. 14)

На добычу – от «добыть». Ударение «на добычу», как в южнорусских говорах: «дббычь», добытое трудом. Здесь – ирония.

Кум иль сват. Кум – близкий по духовному родству. *Сват* – крёстный отец. «За их разведуюсь грехи» – рассчитуюсь (угроза).

Досу́ мне разбирать вины – некогда, нет времени разбираться, кто виноват и чем провинился.

Обезьяны (с. 16)

Тогда не чудо – обычно, обыкновенно.

Тихо толк – потихоньку толкнула.

А этого у нас искусства не видать – неизвестно нам.

Синица (с. 17)

Нептунува столица. Нептун – в римской мифологии бог морей и потоков.

Откупщик и самый тароватый. Откупщик – закупщик, арендатор. *Тароватый* – щедрый.

Секретари – делопроизводители, доверенные лица, оформители торговой сделки.

В-свояси уплыла (синица) – ирония, вернулась домой, улетела.

Мартышка и очки (с. 20)

Зло ещё не так большой руки – небольшое.

Полдюжина – половина дюжины, шесть.

А проку на́-волос нет в них – нет никакой пользы.

Так он ещё и гонит – о тех, кто знатен, богат, но дела не понимает, даже преследует зависимых от него людей.

Волк на псарне (с. 24)

Басня написана в октябре 1812 года. Французы захватили Москву, покинутую жителями. Враги голодали. Наполеон предложил переговоры о мире. Император и командующий русской армии М.И. Кутузов отклонили переговоры. И война закончилась полным поражением Наполеона. Басня стала известна в воюющей русской армии. Кутузов прочитал её приближённым к нему офицерам. Речь басенного волка, что надо забыть обиды и помириться, Кутузов сопроводил жестом – снял фуражку и потряс седой головой, отнесся к себе слова ловчего: «Ты сер, а я, приятель, сед», и пояснил, что с волками можно мириться, «как снявши шкуру с них долой».

Лисица и Сурок (с. 26)

Рыльце у тебя в пуху. Составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» знаменитый Владимир Иванович Даль отметил выражение «пушок на рыльце есть» как вошедшее в речь, сделав пометку, что принадлежит Крылову.

Прохожие и Собаки (с. 27)

Предполагают, что этой басней Крылов оценил – придирчивую критику реакционного журналиста М.Т. Каченовского.

Стрекоза и Муравей (с. 28)

Определение «лето красное» наряду с другим – «зима холодная» фольклорного происхождения, а самая история легкомысленной женщины – «попрыгуньи» стала в языке обозначать тип беззаботной легкомысленной женщины.

Лжец (с. 29)

Прильга́ть – привирать.

Заяц на ловле (с. 32)

Чистое поле – в фольклоре определение широкого полевого простора.

Зайцу дан клочок медвежьего уха – в награду, добродушная насмешка над хвастуном.

Щука и Кот (с. 33)

Печи́ – печь.

Тача́ть (о сапогах) – сшивать заготовки раскроенной кожи.

Лука́вый – дьявол.

Петух и жемчужное зерно (с. 36)

Жемчу́жное зерно – жемчуг, драгоценность. Смысл басни совпадает с пословицей «Петуху ячменное зерно жемчужины дороже».

Крестьянин и работник (с. 36)

Поча́ть – здесь выбирать место, чтобы окончательно погубить старика-крестьянина.

Геркулес – Геракл, в мифах древних греков силач, великан.

Обоз (с. 37)

Некоторые толкователи басни считают, что Крылов оправдывал осторожную тактику фельдмаршала Кутузова в войне против французов.

На крестце́: в конской сбруе есть два ремня, накладываемые сзади на лошадь; сводить коня на крестце – придерживать за ремни.

Лепи́ться – медленно спускаться под гору.

Воронёнок (с. 38)

Взмани́ло – пришло на ум.

Ока́рнать – подрезать, укоротить (о крыльях).

Слон на воеводстве (с. 40)

Был прост – был глуп.

Прика́з – старинное именование ведомства.

С сестры по шкурке снять – баснописец иронизирует над мнимым родством волка с овцами.

Осёл и Соловей (с. 41)

Аврора – богиня утренней зари у древних греков.

За тридевять полей: тридевять – двадцать семь. В старину счёт вели «девятами». В переносном смысле – далёко. Ср. «тридевятое царство» в сказках.

Хозяин и Мыши (с. 43)

Нет прилики вору – нет *улики*, некому *уличить* в воровстве.

Слон и Моська (с. 44)

Литературоведы отметили близость крыловской басни к басне известного поэта А.П. Сумарокова «Мышь и Слон». Крылов существенно изменил её подробности, придав изложению разговорную живость: «...ну на него метаться / И лаять, и визжать, и рваться / Ну так и лезет в драку с ним» и проч. Стихи «Ай, Моська! Знать, она сильна / Что лает на Слона!» стали расхожими.

Обезьяна (с. 46)

Испола́ть! – Хвала! Слава! (из греческого языка).

Кот и Повар (с. 48)

Пова́рня – кухня.

Три́зну пра́вить: свершать молитвенное поминовение усопшего; принимать участие в тризне.

Курчо́нка уби́рает – жадно ест цыплёнка.

Ри́тор – оратор.

На стенке зарубить – сделать зарубку на память.

Лев и Комар (с. 49)

Не моги́ – не смей.

Сухо́е (презренье) – сдержанность в общении.

Ра́тник – воин.

Труба́ч – подающий боевые сигналы.

Кресте́ц – нижняя часть поясицы, место, где последний позвонок.

Окру́жный (лес) – окружающий.

Жа́ловать (мир) – согласился мириться.

Ахилле́с (Ахилл) – храбрейший воин Древней Греции.

Оми́р – Гомер, знаменитый поэт античных времён.

Крестьянин и Лисица (с. 52)

Ни на волос добра не видно – нет ничего доброго.

Оставить шкуры – потерять шкуру, погибнуть.

Как в масле сыр кататься – сытно жить.

Поверши́ть – закончить.

Дерево (с. 57)

В устных народных рассказах змея слыла мудрым существом.

Гуси (с. 58)

Баснописец имеет в виду предание, что гуси гоготанием предупредили жителей древнего Рима о приближении врагов, галлов. В память об этом событии у римлян был установлен особый праздник.

Свинья (с. 59)

Хавро́нья – Февронья, распространённое именование свиньи. Ср., к примеру, поговорку «Отдали Хавронью за Ховрина сына».

Орёл и Паук (с. 62)

Басня о превратных судьбах приближённых к власти. Исследователи считают, что баснописец имел в виду либерального деятеля М.М. Сперанского (1772–1839). Царь Александр I сначала приблизил его к себе, но вскоре устранил от дел. *Излучисто текли* – имели много поворотов. *Зевёс* – верховное божество у древних греков. *Юпитер* – то же божество у римлян.

Собака (с. 64)

В первоначальном варианте басня была задумана как ирония над «общественными правами», о которых вели пустые речи политики-говоруны. В окончательном виде басня обрела самый широкий смысл. *Нужды не было ни в чём* – не нуждалась. *Что не достанет* – если чего-либо не хватит.

Квартет (с. 65)

Современники считали, что Крылов высмеял работу законодателей при императоре Александре I. Те обнаружили такие разногласия, которые сделали общую работу невозможной. При всём том у басни смысл более широкий, чем отклик на конкретное событие. В обобщённом виде история стоит выше каждого конкретного применения.

Альт, прима, втора, бас – роли играющих в оркестре.

Листья и Корни (с. 66)

Современники считали, что баснописец имел в виду обсуждение в правительстве «крестьянского» вопроса. Но Крылов оставался художником, который имел в виду общую истину, а применение её предоставил читателям.

Зефиры – лёгкие влажные западные ветры.

Лебедь, Щука и Рак (с. 69)

Воз и ныне там – стало крылатым суждением.

Скворец (с. 69)

Образцы афористического стиля Крылова: «У всякого талант есть свой», «Берись за то, к чему ты сроден», «Пой лучше хорошо щеглёнком, чем дурно соловьём» и др. Они стали поговорками.

Тришкин кафтан (с. 72)

Крылов воспользовался именем портного Тришки из комедии Д.И. Фонвизина (1744/45—1792) «Недоросль».

Пустынник и Медведь (с. 75)

По существу, басня иллюстрирует поговорку: «Услужливый дурак опаснее врага», «Не дай бог с дураком связаться».

При ну́жде – при необходимости, при нужде.

Пустьи́ник – одинокий житель.

Толкну́ться – здесь: побывать.

Из избы не вынесено сору – ср. выражение «не выносить сор из избы» – не рассказывать посторонним о домашних делах и ссорах.

Тошнит́ся – тошно, скучно.

Пу́тный – хороший, надёжный (ср. беспутный).

На часах – сторожит; подобно часовому, стоять на посту.

Любопытный (с. 80)

Кунстка́мера – собрание редкостей.

Чудес палата – музей.

Тарова́та (о природе) – разнообразна.

Булавочная головка – верх у иглы, шпильки.

Лев на ловле (с. 81)

Заве́т – уговор.

Поима́ть – изловить, добыть.

Мирская сходка (с. 83)

Толк – мнение, разговоры.

Смотре́ть на лица – пристрастно судить – сообразно кого судишь.

Демьянова уха (с. 84)

Сохранилось воспоминание о чтении басни Крыловым на заседании Беседы любителей русского слова. Заседание длилось долго и всех утомило. Басню присутствующие восприняли как выражение его мнения об этом заседании, но смысл басни более широкий.

Мышь и Крыса (с. 85)

Слова «сильнее кошки зверя нет (вариант: страшнее)» стало крылатым выражением.

Чиж и Голубь (с. 86)

Сило́к – затяжная петля, ловушка.

Зеркало и Обезьяна (с. 88)

Стихи «Чем кумушек считать трудиться, / Не лучше ль на себя, кума, оборотиться» стали расхожей цитатой.

На руку нечист – так говорят о воре, взяточнике. Противоположное выражение «Чистые руки».

Крестьянин и Смерть (с. 90)

Вале́жник – павшие сухие ветви деревьев и разный сор в лесу.

Подушиное, боярщина, оброк – названия налогов и принудительных обязательств. *Подушиное* – по числу членов семьи, *боярщина* – работа крестьян на господина, *оброк* – подать.

Пеняя рок: пенять – жаловаться, *рок* – судьба.

Лев и Волк (с. 93)

Убира́ть – здесь пожирать.

Царский стол (у льва) – обильный. Льва считали царём зверей.

Ан – здесь «но».

Лев-строитель (с. 95)

Ухитить – здесь: устроить, утеплить.

Насесток – наместок, жердочка для ночлега кур.

Всё мене – все меньше.

Тоё ж – ту же.

Свела строение так – построила так.

Гребень (с. 99)

Зарезвился – долго резвился, забыв обо всём.

Наяды – в мифах древних греков воображаемые жительницы вод.

Две бочки (с. 101)

Кто делов истинно – кто действительно деловой.

Мальчик и Змея (с. 102)

Угорь – змеевидная рыба.

Воззрившись – увидя, приглядевшись.

Волк и Журавль (с. 104)

Мани́ть – звать знаками к себе.

Муравей (с. 106)

Своим чванством мерил – завышено судил о себе.

Сбежится весь базар как на пожар – сбегутся все глядеть.

В подсолнечной гремит – прославился у всех на земле.

Крестьянин и Змея (с. 109)

Стеречься – опасаться.

Обух – тупая сторона топора и всякого острого орудия.

Лисица и виноград (с. 110)

Рде́ться – зреть, краснеть.

Оскомина – нитьё и боль зубов и десён от незрелых плодов.

Трудолюбивый медведь (с. 113)

Дуги гнуть – гнуть постепенно, раз от разу.

Совет мышей (с. 116)

Историки литературы считают, что баснописец имел в виду Государственный совет, созданный Александром I. В письме к другу П.А. Вяземскому А.С. Пушкин (ноябрь 1825) процитировал последние два стиха басни «Да эта крыса мне кума» как расхожее суждение-иносказание.

Пове́щено собранье – объявлено о заседании.

Мушиной ларь – отсек в амбаре для хранения муки.

Подпо́лица – подпол.

Мельник (с. 117)

Стал жёрнов – остановился, перестал молотить.

Подспорье – тут ирония, от подспорить, помочь.

Подворье – изба вместе с разными хозяйственными пристройками и устройствами.

Свинья под Дубом (с. 121)

Стихи басни сделались расхожими присловьями и пословичными суждениями.

Котёл и Горшок (с. 123)

Сват – родственник по мужу и жене.

За панибрата – приятельски, дружески, по-товарищески.

Наклад – ущерб, утрата, потеря.

Котёнок и Скворец (с. 126)

Преизрядный (о котёнке) – подросший.

Пост – воздержание от «скромной» пищи по религиозным соображениям, порой не ели совсем.

Прост – неумён, неучён.

Прямой котёнок – ещё маленький, глупый.

Философия – тут ироническое именование пустых суждений.

Две собаки (с. 127)

Боло́нка – порода маленьких домашних собачек.

Кошка и Соловей (с. 128)

Крылов имел в виду цензурный Комитет, проект которого обсуждался и скоро был утверждён.

Концовка – «мораль басни».

«*Худые песни Соловью в когтях у Кошки*» – суждение стало пословицей.

Рыбья пляска (с. 130)

Современники приняли басню как отклик писателя на инспекцию состояния правосудия. Рассказывали, что один из губернаторов людей, имевших намерение пожаловаться на притеснения, выдал за толпу, хотевших приветствовать царя. Крылов переделал басню, но общий смысл её сохранил.

Белка (с. 132)

Мораль басни целиком укладывается в иронию народной пословицы «Орехи принесли, когда зубов не стало».

Лиса (с. 136)

Басня воспроизводит ситуацию известной сказки, но хвост примёрз не у волка, а у лисы.

Кукушка и Петух (с. 140)

Стихи: «За что же, не боясь греха, / Кукушка хвалит Петуха? / За то, что хвалит он Кукушку» превратились в пословичное суждение.